

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ»**

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Сборник научных трудов

№ 1 (5) 2026

**Луганск
2026**

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ: Сборник научных трудов
Выпуск № 1(5) 2026

Основан в 2025 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель

**ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет
имени Владимира Даля»**

Редакционная коллегия:

Мазур Оксана Геннадиевна, д-р полит.н., доцент (главный редактор)

Агапова Елена Анатольевна, д-р филос.н., доцент.

Вартумян Арушан Арушанович, д-р полит.н., профессор.

Казаков Александр Александрович, д-р полит.н., доцент.

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит.н., профессор.

Панкратов Сергей Анатольевич, д-р полит.н., профессор.

Поцелуев Сергей Петрович, д-р полит.н., профессор.

Проскурина Елена Александровна, д-р полит.н., профессор

Проценко Александр Валерьевич, к-т полит.н., доцент.

*Шепелев Максимилиан Альбертович, д-р полит.н., профессор, действительный член
Крымской академии наук.*

Щедрова Галина Петровна, д-р полит.н., профессор.

П503 Политологические записки: Сборник научных трудов.
№ 1 (5) 2026. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля, 2026. – 150 с.

В сборнике публикуются материалы в области политических наук, где освещаются наиболее актуальные проблемы современного развития политических институтов и процессов в контексте мирового и отечественного опыта модернизации политической системы, политической культуры и идеологии.

Рекомендовано к печати Ученым советом Луганского государственного университета имени Владимира Даля (протокол № 7 от 20.01.2026 г.).

Статьи прорецензированы членами редакционной коллегии.

© Авторы, 2026

© ФГБОУ ВО «ЛГУ им. В. Даля», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Апанащенко О.В.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В
ИССЛЕДОВАНИИ ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ .. 4

Литвин Л.А.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РЕФОРМ ДЭН СЯОПИНА В КИТАЕ 13

Лустенко А.Ю.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ
РУСИ (ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ БИНАРНОГО
ПРИНЦИПА К АНАЛИЗУ СРЕДНЕВЕКОВОГО
РУССКОГО СОЦИУМА) 30

Макарова Е.И.

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ: ВЗГЛЯД РЕАЛИСТОВ 63

Проскурина Е.А.

НЕДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИМ
ИНСТИТУТАМ: ЭХО ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН? 77

Червяк Ю.П., Симоненко Л.Ю., Хомутовская Я.Н.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ
ПРОФСОЮЗОВ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНИЗАЦИИ
И ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА 93

Татаринов И.Е.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ
В РЯДЕ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ 115

Черкова М.Ю., Черков В.А.

ЦИФРОВАЯ ГИГИЕНА КАК ИНСТРУМЕНТ
ЦИФРОВОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ..... 133

УДК 323.21:327.7

Апанащенко О. В.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ИССЛЕДОВАНИИ ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Осуществлен политологический анализ теоретических основ использования концепций социального капитала в исследовании процессов европейской интеграции. Внимание сосредоточено на теоретических попытках показать научную ценность социального капитала, с помощью которого можно оценить эффективность функционирования социальных институтов и органов власти ЕС.

Ключевые слова: *теории социального капитала, евроинтеграционные процессы, европеизация.*

Актуальность. В современных политических науках, экономике и социологии теории социального капитала являются довольно популярным исследовательским инструментарием. Формируясь в рамках второй генерации теорий коллективного действия, концепции социального капитала признают примат социальных факторов развития общества сверх чисто институциональными. По мнению политических теоретиков, социальный капитал является определенным общественным ресурсом, который концентрируется вокруг социальных связей и сетей. Как отмечает американский политолог Роберт Патнам, социальный капитал касается социальной организованности – это сети, нормы и доверие, которые позволяют лицам действовать вместе для достижение определенных целей [2, с. 141].

Некоторое время теории социального капитала использовались в исследованиях микро- и мезоуровня социума, при оценке уровня удовлетворения жизнью в отдельных населенных пунктах. Стоит отметить, что эти исследования позволяли проанализировать политические процессы с достаточно широкой философско-социологической перспективой. Дальнейшее развитие теорий социального капитала привело к их постепенному слиянию с модернами концепции европейской интеграции, процесс, который еще не завершился и не совершенен в концептуально-методологическом плане. Но именно в этой теоретической сфере могут сформироваться определенные познавательные перспективы, требующие соответствующих исследовательских усилий.

Впервые исследователи евроинтеграции обратили внимание на теории социального капитала после выхода 223-го выпуска студий «Евробарометр» (декабрь 2004 г.) [9], реализуемого по финансовому содействию Европейской Комиссии. Студии «Евробарометр» были посвящены социальному капиталу как, пока, неформальному критерию анализа и оценки развития демократии на европейском континенте. Исследуя социальный капитал в странах ЕС, европейские эксперты вкладывали в содержание этого термина широкий круг явлений социально-политического и экономического характера. До социального капитала они относили удовольствие уровнем жизни, состояние окружающей среды, индивидуальную финансовую ситуацию, членство в организациях гражданского общества, участие в политических процессах и т.д. Все эти индикаторы социального капитала рассматривались учеными в сравнительной перспективе, формируя, таким образом, определенную градацию, с учетом среднего уровня показателей по всему ЕС. Вопросами использования теорий социального капитала в исследованиях политической жизни общества занимаются как отечественные (Д. А. Давыдов, А. И. Юрьев), так и зарубежные

ученые (Р. Патнам, Ф. Шмельфенинг). Однако, на современном этапе не был изобретен единый инструментарий изучения интеграционных процессов с помощью этих теорий.

Целью исследования: является анализ теоретической перспективы использования концепций социального капитала в исследовании евроинтеграционных процессов.

Объектом исследования: выступают евроинтеграционные процессы – совокупность политических, экономических и социокультурных изменений, связанных с интеграцией государств в европейские структуры.

Предметом исследования: являются теоретические концепции социального капитала и их применение для анализа и объяснения особенностей, механизмов и результатов евроинтеграционных процессов.

Степень научной разработанности проблемы. Еще до появления теорий социального капитала в спектре концепций европейской интеграции Уильям Уоллес разграничивал «формальную» и «неформальную» интеграции. Формальная интеграция – это формирование институтов, возникающих в результате сотрудничества между национальными элитами. Неформальная интеграция заключается в экономическом и социальном взаимодействии, в формировании общего коммуникативного пространства с единой системой ценностей. Все эти процессы происходят без институционализации и не являются последствиями принятия специального политического решения [10, с. 61]. В этом контексте возникла потребность в соответствующих научных подходах к исследованию неформальной интеграции. Авторы 223-го выпуска исследования «Евробарометр» подчеркивали, что по сравнению с другими подходами к изучению евроинтеграционных процессов (неофункционализм, неоинституционализм), которые акцентируют внимание именно на

институциональных аспектах процессов объединения Европы, теории социального капитала обращают внимание на неформальные аспекты развития общества – уровень доверия к национальному правительству и наднациональных органов ЕС, участие в деятельности неправительственных организаций, формы социальной сплоченности, которые являются важными измерениями процессов европейской интеграции в широком смысле слова. Речь об альтернативном взгляде на процессы объединения Европы, который правильно вписывается в общую систему современных подходов к исследованию интеграции. Несмотря на определенную методологическую нечеткость, попытки учесть и измерить все возможные социальные аспекты европейской интеграции, без адекватного анализа корреляции между показателями, исследование «Евробарометр» дало толчок совершенствованию методики измерения социального капитала в европейских общественных науках. В российской политической науке концепции социального капитала активно используются для анализа евроинтеграционных процессов. Среди исследователей, занимающихся этой проблематикой, можно выделить: А. А. Невская – руководитель сектора исследований Европейского союза, которая изучает социально-экономическое развитие ЕС, вопросы расширения и углубления европейской интеграции, а также институциональные изменения в ЕС [1]. И. В. Соболева – акцентирует внимание на человеческом потенциале и его связи с социальным капиталом, что также имеет значение для анализа интеграционных процессов [3].

Российские исследователи, такие как А. А. Невская и И. В. Соболева, вносят значительный вклад в изучение социального капитала в контексте евроинтеграции, что позволяет более глубоко понять различия в восприятии и доверии к социальным институтам в России

Исследователи рекомендуют органам власти демонстрировать максимальную открытость к СМИ и избегать нечетких, двусмысленных формулировок при объяснении политического курса. Как ответ на засилье институциональных направлений исследований в рамках европейских студий, Томас Риссе основывает социальный конструктивизм, изучающий процесс формирования европейской идентичности и европейских ценностей, то есть тех предпосылок, которые необходимы для обретения полноценного членства ЕС, в частности для постсоциалистических стран. Томас Риссе очень метко сформулировал цель социального конструктивизма – детальный анализ европейской интеграции на основе социальной онтологии, которая исходит из того, что лица не существуют независимо от социальной среды и системы общих ценностей [7, с. 48]. Социальный конструктивизм обращается к актуальным составляющим интеграции, таким как формирование идентичности, толерантность, социальная мобилизация населения, а также проблемы расширения ЕС. Если представители институциональных теоретических школ не сумели объяснить процесс расширения ЕС в 2004 и 2007 гг., то сторонники социального конструктивизма проанализировали его с помощью концепции «экспансии» международного сообщества и единого системы ценностей. Да, Филипп Шмелфенинг отмечает, что новыми членами ЕС в начале XXI ст. стали те государства из Центрально-Восточной Европы, исповедующие европейские ценности и либеральные нормы [8, с. 48]. Достаточно близка с теоретико-методологической точки зрения к социальному конструктивизму есть современная теория европеизации. «Европеизация» является широкоупотребительной категорией в социальных науках, а теория европеизации перспективна политологическим инструментарием изучения европейской интеграции. Как отмечает, А. А. Невская в своих работах акцентирует внимание на важности корпоративных

связей в контексте европейской интеграции и рассматривает европеизацию как многогранный процесс, который требует учета как европейских, так и национальных факторов. Клаудио Радаэлли отмечает, что «европеизация состоит из процессов создания, распространения и институционализации формальных и неформальных правил, процедур, политических парадигм, стилей, «того, как делаются дела», и общих убеждений, и норм, которые изначально определяются и утверждаются в политическом процессе ЕС, а затем включаются в логику внутригосударственного дискурса, политических и государственных политик» [7]. Другими словами, европеизация есть совокупностью изменений внутри государств под влиянием процесса европейской интеграции. Активизация исследовательского внимания к европеизации сбылась во времени с разворачиванием исследований переходных процессов. А. А. Невская – акцентирует внимание на роли корпоративных связей и их влиянии на интеграционные процессы между Россией и ЕС, а также на необходимости учёта национальных особенностей при анализе европеизации. О. Ю. Мясникова рассматривает социальный капитал как ключевой ресурс, определяющий устойчивое развитие общества и уровень общественного благосостояния [4]. Мясникова также отмечает, что высокий уровень социального капитала способствует: росту общественного благосостояния, повышению эффективности управления, формированию устойчивых механизмов развития. В этом контексте она рассматривает социальный капитал как стратегический ресурс, который необходимо целенаправленно развивать для обеспечения долгосрочного прогресса общества.

Стоит отметить, что между теориями социального капитала, коммуникативными теориями, социальным конструктивизмом и особенно теорией европеизации наблюдается концептуальное родство. Связь между коммуникативным подходом к изучению европейской интеграции и теориями социального капитала

наблюдается на уровне рассмотрения общества с позиций категорий коммуникации. Как и представители социального конструктивизма, теоретики социального капитала изучают политические процессы и институты с точки зрения доверия, отмечая важность положительного социального восприятия институциональных структур. Гораздо более продуктивным и перспективным с концептуальной точки зрения выдается связь между теориями социального капитала и концепцией европеизации. Если в рамках теорий социального капитала разработаны методики исследования системы демократических ценностей и культуры доверия, то теория европеизации может дополнить упомянутую научную модель исследовательскими схемами распространения ценностей в ЕС и за его пределами. В аналитической перспективе теории европеизации и социального капитала могут дополнить друг друга. Поэтому, в контексте исследования евроинтеграционных процессов постсоциалистических обществ, теории социального капитала, с их эмпирической четкостью и конкретикой, могут быть дополнены концептуальной вариативностью других подходов к процессу евроинтеграции.

Выводы. Как исследование «Евробарометр», так и конкретные научные разведки российских политологов показывают, что теории социальной капитала являются перспективными направлениями изучения евроинтеграционных процессов. Именно за них помощью можно реально оценить эффективность функционирования социальных институтов, органов власти и институтов наднационального характера ЕС. Уровень доверия граждан к социальным институтам указывает на их функциональное назначение и эффективность. Кроме этого, за помощью теорий социального капитала можно оценить заполнен ли институциональный дизайн политической системы социальным содержанием, или отвечает он общественным интересам, а также не

использует ли система институтов многовато финансовым, человеческим и социальным ресурсам. Таким образом, теории социального капитала анализируют неформальные аспекты европейской интеграции на основе оценки уровня эффективности социальных институтов, имея весомый эвристический потенциал для современной политической науки.

Список источников

1. Невская А.А. Корпоративные связи России и Европейского союза. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 118 с.
2. Роберт Патнэм. Чтобы демократия сработала: Гражд. традиции в соврем. Италии: [Пер. с англ.] / Роберт Патнэм. - Москва: Изд. фирма «Ad Marginem», Б. г. (1996). – 287 с.
3. Соболева И.В., Чубарова Т.В. Вызовы для воспроизводства человеческого потенциала: глобальные тренды и российская специфика // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-dlya-vosproizvodstva-chelovecheskogo-potentsiala-globalnye-trendy-i-rossiyskaya-spetsifika/viewer>
4. Мясникова О.Ю. Социальный капитал как императив общественного благосостояния и развития // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2024 Т. 4 № 1 с.82.
5. Мазур О.Г., Макарова Е.И. Цифровизация как детерминанта устойчивого развития государства / Мазур О.Г., Макарова Е.И. // Политологические записки: сборник научных статей. – 2025. - № 3. – С. 14-32.
6. Radaelli C. Europeanisation: Solution or problem? / C. Radaelli // European Integration Online Papers (EIoP). – 2004. – Vol. 8., № 6. – P. 3.
7. Risse T. Social Constructivism and European Integration / T. Risse // Wiener. European Integration Theory. – Oxford University Press, 2004. – P. 45-76.
8. Schimmelfening F. The Community Trap: Liberal Norms, Rhetorical Action and the Eastern European Enlargement of the European Union / F. Schimmelfening // International Organization. – 2001. – № 55 (1). – P. 42-56.
9. Special Eurobarometer 223 / Wave 62.2 – TNS Opinion&Social. – 111 p.
10. Wallace W. The Dynamics of European Integration / W. Wallace. – L.; N.Y.: Printer Publishers for the Royal Institute of International Affairs, 1990. – 308 p.

Апанашенко Ольга Владимировна, аспирант кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.
SPIN-код: 8498-4306
E-mail: Olga.Apanas@yandex.ru

Apanashchenko O.V.

**THEORETICAL FOUNDATIONS OF USING SOCIAL
CAPITAL CONCEPTS IN THE STUDY OF EUROPEAN
INTEGRATION PROCESSES**

In this scientific exploration carried out political analysis of the theoretical foundations of the use of the concepts of social capital in the study of the processes of European integration. Attention is focused on the theoretical attempts to demonstrate the scientific value of social capital with which to assess the performance of social institutions and EU authorities.

Key words: *theory of social capital, the process of European integration, Europeanisation.*

Apanaschenko Olga Vladimirovna, Postgraduate Student of the Department of Public Administration at the Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.
SPIN-code: 8498-4306
E-mail: Olga.Apanas@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 09.02.2026 г.

УДК: 323:354/94

Литвин Л. А.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕФОРМ ДЭН СЯОПИНА В КИТАЕ

В данной статье сделана попытка политологического анализа реформ верховного лидера Китая Дэн Сяопина, который и на сегодняшний день считается выдающимся политиком и реформатором, который привёл страну к экономическому росту и политической стабильности после Культурной революции. Обозначены основные направления политики реформ Дэн Сяопина; охарактеризован «социализм с китайской спецификой» – курс четырёх модернизаций; раскрыта идея открытости Китая. При этом названы как позитивные результаты, так и негативные последствия реформирования, а также проанализировано значение реформ Дэн Сяопина для становления современного Китая.

Ключевые слова: *Китайская Народная Республика, реформирование, модернизация, политическое развитие, «социализм с китайской спецификой», «курс четырёх модернизаций», идея открытости.*

Актуальность исследования. В современной геополитике большое внимание приковано к Восточной Азии. Безусловным лидером в этом регионе по праву считается Китай. Российская Федерация проявляет дружественное отношение к соседу, налажены дипломатические и торговые отношения. Не утихает и интерес к истории и культуре Китайской Народной Республики. Много историков посвящают свои труды китаеведению и истории Китая. За время существования Китайской Народной Республики Китай пережил огромные перемены, особенно за последние 50 лет, когда начался переход от централизованно планируемой экономики к рыночной системе. Многие аспекты модернизации до сих пор

считаются базовыми для изучения опыта другими государствами, среди них реформы Дэн Сяопина, начавшиеся в 1978 году. Именно с них начинается отсчёт эпохи реформ в Китае.

Дэн Сяопину приписывают превращение Китая в одну из самых быстрорастущих экономик мира, повышение качества жизни сотен миллионов китайцев и создание основы для десятилетий устойчивого роста, а также влияние Китая на государства региона и мировую политику. Значение и роль личности и деятельности этого китайского лидера определяет актуальность темы исследования по сей день.

Объект исследования – политическая история Китая в XX веке.

Предмет исследования – реформы, начатые Дэн Сяопином в Китае в 1978 году.

Целью работы является сделать политологический анализ реформ, начатых Дэн Сяопином, и их значения для современного Китая.

Степень изученности проблемы. Истории Китая в целом и вопросу реформ Дэн Сяопина посвящено много трудов как российских, так и китайских и других зарубежных историков. Так, фундаментальные труды выпускались преподавателями и научными сотрудниками кафедры истории Китая Института стран Азии и Африки и МГУ им. М. В. Ломоносова, Московским государственным институтом международных отношений, Институтом Востоковедения Российской академии наук, Тихоокеанским государственным университетом (г. Хабаровск), кафедрой всемирной истории и международных отношений ФГБОУ ВО «ЛГПУ».

Например, такие учёные-историки как А. А. Бокщанин [1], Л. Н. Булдыгерова [2], В. А. Корсун [6, 7], другие рассматривают вехи китайской истории с Древнего мира по XXI столетие и находят

всё новые нераскрытые аспекты, систематизируют материал, актуализируют выводы. Среди китайских учёных можно назвать Ван Сичже [3], Лян Цзяньфэнь [8] и других. Они изучали социально-экономическое, институциональное реформирование в Китае. При этом переосмысление реформ Дэн Сяопина будет полезно как учёным, так и государственным деятелям.

Результаты исследования. После смерти Мао Цзэдуна в 1976 году Дэн постепенно стал фактическим лидером Китая, осудив Культурную революцию и в 1977 году начав «Пекинскую весну», которая позволила открыто критиковать злоупотребления и страдания, имевшие место в тот период. Поощряя публичную критику Культурной революции, Дэн Сяопин ослабил позиции политических оппонентов, которые получили свой политический статус благодаря этому событию, и укрепил позиции тех, кто, как и он сам, был репрессирован в то время. Дэн Сяопин также получил большую народную поддержку. Дэн также стоял за отменой системы «классового происхождения», в соответствии с которой КПК устанавливала барьеры при трудоустройстве для китайцев, которые, как считалось, были связаны с бывшим классом землевладельцев. Таким образом, его устранение фактически позволило китайским капиталистам вступить в Коммунистическую партию [12, с. 21-29].

«Четыре модернизации» – именно так называли направления реформ Дэн Сяопина. В декабре 1978 года Дэн Сяопин предложил четыре модернизации. Это план реформирования для Китая, направленный на то, чтобы стать мировым лидером, экономическим центром. Эта модернизация включает в себя вооруженные силы, сельское хозяйство, промышленность, науку и технику [10].

Сельское хозяйство. В 1979 году была внедрена система семейных контрактов на совместное производство, и началась структурная реформа сельского хозяйства Китая. Коммуна и

система коллективизации сельского хозяйства начали распадаться. Фермерам было разрешено арендовать у государства небольшие участки земли. Всё больше произведенных товаров поступает на свободный рынок. Теперь они могут получать доход вместо того, чтобы работать на компанию. Эта мера значительно стимулировала производство. С 1979 по 1983 год сельскохозяйственное производство увеличивалось в среднем на 7,9% в год. В 1984 году страна впервые достигла самообеспеченности продовольствием – 405 миллионов тонн. В то время в деревнях и поселках были созданы первые поселковые предприятия. Существовали и ответственные предприятия. Во второй половине 1990-х годов основное внимание уделялось реформированию промышленности – данному вопросу уделялось много внимания. Данная проблема относилась не только к тяжелой промышленности, но и к более легким промышленным расходным материалам. Это изменение связано с модернизацией производства и увеличением времени управления. Практики модернизации поступают с Запада и Японии, что делает связи Китая с остальным миром более активными. Также становится все больше и больше специалистов.

Чем больше убыточных предприятий закрывается, тем эффективнее развивается система социального обеспечения, а правительство пытается модернизировать банковскую отрасль. Правительство надеется, что банковская система может влиять на экономику посредством денежно-кредитной политики (измерение инфляции и поддержание стабильной стоимости национальной валюты) и может основываться на прибылях и убытках. Которые выдаются на основе экономических стандартов, а не на основе политического произвола, как раньше. Целью следующего этапа является интеграция экономики централизованного планирования. Экономика была преобразована в открытый рынок, на котором определяется соотношение спроса и предложения в ценах на

продукцию. Для того, чтобы этот план был успешным, была внедрена двойная система проверок [4].

Вначале цены на некоторые товары и услуги все еще регулировались правительством, а цены на другие были либерализованы. Либерализовались цены на товары не первого потребления. Их становится все больше и больше. Таким образом, может происходить огромная трансформация экономики. В начале 1990-х годов цены почти на все товары были свободными. Реформа Пинга заменила централизованный план рыночными силами, распустила колхозы, избавилась от государственных предприятий и смягчила государственный контроль. Одна из реформ заключается в том, что внутренний и внешний производственные планы позволяют компаниям преследовать свои собственные цели после достижения квот, установленных государством. Первый этап реформ очень важен для экономики. В 1979-1980 годах был проведен ряд реформ, направленных на установление границ с другими странами и развитие. Введена так называемая политика открытых дверей. Китайские власти создали в общей сложности четыре особые экономические зоны. Создание особой экономической зоны Китая (ОЭЗ) разрешено китайским правительством. Место для внешней торговли и инвестиций. Государство также не вмешивается в бизнес, производство и торговлю. В целях привлечения иностранных капиталовложений законодательно смягчили все правила [9, с. 150].

После успеха особых экономических зон правительство в 1984 году приняло решение о создании так называемых особых экономических зон в 13 новых районах. Распространили лозунг «Откройте для себя город». По сравнению с ограниченными инвестиционными возможностями в особых экономических зонах, они были повышены и со временем увеличивались. В Китае создали много экономических зон, и, как следствие, новые рабочие места.

Помимо китайских частных компаний, иностранные инвестиции также способствуют созданию новых рабочих мест в Китае [4].

Когда Коммунистическая партия Китая учредила Китайскую Народную Республику, страна столкнулась с ростом безработицы и голод. Чтобы решить эти проблемы, лидеры приняли ряд новых мер экономической политики. Наиболее полным из них является земельный участок в сельской местности – реформа, перераспределение земли и других активов от богатых землевладельцев к фермерам. В промышленном секторе удалось избежать радикальной национализации, и существующие частные промышленные компании заняли довольно позитивную позицию. Хотя они все еще находились под контролем государства, иногда их поощряют к расширению.

К 1985 году Китай более или менее восстановил свою экономику, существовавшую до 1949 года. Дэн Сяопин с соратниками предложил концепцию китайского социализма и осуществлял социалистические преобразования на китайский манер. Во время первой пятилетки был создан бюрократический центр промышленности и торговли, в основном в соответствии с советской моделью. Центральное агентство планирования и управления. Частные промышленные компании контролируются правительством путем национализации, что дает бывшим владельцам номинальную долю прибыли. Многие частные предприятия были преобразованы в государственно-частные кооперации, где применялись те же принципы национального планирования и управления, что и на государственных предприятиях [13, с. 40].

В 2009 году частный сектор в промышленности был ликвидирован. Две трети от общего объема промышленной продукции производится на государственных заводах, и только одна треть производится на государственных заводах. Он создается на основе государственно-частного партнерства. Государство

полностью контролирует промышленность современного Китая. В сельском хозяйстве встречаются кооперативы [14, с. 62].

Помимо реформирования экономики, Дэн Сяопин также руководил внедрением китайской политики «одного ребенка», которая была введена для того, чтобы снизить количество населения Китая, так как была достигнута цифра 1 миллиарда и уровень рождаемости повышался. Долгое время в стране действовала политика «одна семья – один ребёнок», введенная в 1979 году для сдерживания роста населения и содействия экономическому развитию. Парам, у которых было двое и больше детей, выписывались штрафы. С введением политики «одного ребенка» экономика Китая пережила огромный рост в период с 1979 по 2010 год.

В 2015 году меры смягчили: китайцам разрешили иметь двух детей. В 2021 году власти КНР дали разрешение семьям иметь до трёх детей, отменив все установленные ранее штрафы и выплаты. К 2025 году Китай планирует отменить все ограничения, связанные с рождаемостью. В рамках разработанного пятилетнего плана на 2021–2025 годы власти задействуют финансовые и социальные рычаги для мотивации родителей к заведению большего количества детей [10].

Из-за провала «Большого скачка вперед» к концу 1959 и началу 1960 годов пострадали не только сельское хозяйство и легкая промышленность. Серьезным ударом стало то, что темпы роста тяжелой промышленности также упали почти до нуля. Китайское руководство, в котором больше не доминирует Мао, начало претерпевать фундаментальные изменения. Была введена более либеральная экономическая политика, включая предоставление частных земель фермерам. Самое главное – уделять приоритетное внимание развитию сельского хозяйства, например, уделять больше внимания сельским районам. Промышленная сельскохозяйственная

техника и удобрения. В декабре 1964 года премьер-министр Чжоу Эньлай выступил с речью на третьем Всекитайском собрании народных представителей и доложил об экономике. В контексте восстановления экономики предлагается, чтобы Китай осуществил четыре этапа модернизации промышленности, сельского хозяйства, национальной обороны, науки и техники. К 1965 году экономика была стабильной и быстро развивалась. Рост, уровень национального производства более чем на 60% выше, чем в 1961 году [9, с. 155].

Под руководством Дэна отношения с Западом заметно улучшились. Дэн ездил за границу и провёл ряд дружественных встреч с западными лидерами. В 1979 году он стал первым китайским лидером, посетившим Соединённые Штаты, где встретился с президентом Картером в Белом доме. Вскоре после этой встречи США разорвали дипломатические отношения с Китайской Республикой (Тайвань) и установили их с Китайской Народной Республикой. Китайско-японские отношения также значительно улучшились, и Дэн Сяопин использовал Японию в качестве примера быстро развивающейся экономической державы, которой Китай мог бы подражать.

Другим достижением стало соглашение, подписанное Великобританией и Китаем 19 декабря 1984 года (Совместная китайско-британская декларация), согласно которому Гонконг должен был быть передан КНР в 1997 году. В связи с истечением 99-летнего срока аренды Новых территорий Дэн Сяопин согласился, что КНР не будет вмешиваться в капиталистическую систему Гонконга в течение пятидесяти лет. Аналогичное соглашение было подписано с Португалией о возвращении колонии Макао. Этот довольно беспрецедентный подход, получивший название «одна страна — две системы», был представлен КНР как потенциальная основа, в рамках

которой Тайвань может быть воссоединён с материком в будущем. Дэн Сяопин, однако, мало что сделал для улучшения отношений с Советским Союзом, продолжая придерживаться маоистской линии времён китайско-советского раскола, согласно которой Советский Союз был сверхдержавой, такой же «гегемонистской», как и Соединённые Штаты, но ещё более угрожающей для Китая из-за своей географической близости [12, с. 28].

Открытие президентом Никсоном границ с Китаем оказало большое влияние на международные отношения (1972). Его послом в Китае был Джордж Буш-старший. Президент Рейган в коммюнике с Дэн Сяопином согласился ограничить продажу оружия Тайваню (август 1982). Однако это было практически невозможно из-за «шести заверений» Ригана Тайваню, призванных гарантировать, что Тайвань не будет вынужден вести переговоры с Пекином.

Постепенно Культурная революция сошла на нет. В 1978 году Китай начал радикально менять свою политику, открыв двери для внешнего мира.

Из-за протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году власть Дэна была значительно ослаблена, и в Коммунистической партии появилась растущая фракция, официально выступавшая против реформ Дэна. Чтобы восстановить свою экономическую программу, весной 1992 года Дэн совершил своё знаменитое турне по южному Китаю, посетив Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай и проведя новогодние праздники в Шанхае. Во время своего турне Дэн выступал с различными речами и заручился широкой поддержкой своей реформаторской платформы. Он подчёркивал важность экономического строительства в Китае и критиковал тех, кто выступал против дальнейших экономических и внешнеполитических реформ. Девиз Дэна «Богатеть – это славно» породил волну личного предпринимательства, которая продолжает стимулировать экономику Китая и сегодня. Он заявил, что «левые»

элементы китайского общества гораздо опаснее «правых». Дэн Сяопин сыграл важную роль в открытии шанхайского района Пудун, возродив город как экономический центр Китая [15, с. 779].

В современном Китае существуют программы и проекты, которые продолжают начатые Дэн Сяопином реформы. Среди них: «Один уезд-один продукт»; региональная отраслевая кластеризация, 1998 г., Taobao villages 2009 г.; «Национальная стратегия развития информатизации на 2006-2020 годы»; «Интернет+» предложен в 2012, принят в 2015 году; «Один пояс и один путь», принят 2013 г. ; «Сделано в Китае 2025» принят 2015 г., будет продолжен с акцентами на «интегрированное платформизированное беспилотное производство»; «Общий план строительства цифрового Китая до 2035» предложен в 2016 г, принят в 2023 г; «План развития цифровой экономики 14-й пятилетки» принят 2021 г (Си предложил в 2015 концепцию «Цифровой экономики Китая»); «Новая качественная производительность» Си предложил в 2023 г.

В 2016 году на 36-м коллективном учебном заседании Политбюро ЦК КПК 18-го созыва было подчеркнуто, что цифровая экономика должна расширяться и укрепляться, а также расширять новое пространство для экономического развития. Цифровая экономика как модель глобального развития человечества, была впервые предложена на саммите «Большой двадцатки» в Ханчжоу, получившем широкое признание лидеров и предпринимателей со всего мира в 2017 году. Во время второй коллективной учебной сессии Политбюро ЦК КПК 19-го созыва, было подчеркнуто, что она призвана ускорить процесс строительства цифрового Китая, построение цифровой экономики с использованием данных в качестве ключевого элемента, а также содействие развитию реальной экономики в цифровой экономике.

В 2018 году на Центральной экономической рабочей конференции было подчеркнуто ускорение строительства новой

инфраструктуры, такой как 5G, искусственный интеллект, промышленный Интернет.

В 2021 году в поздравительном письме к Учжэньскому саммиту Всемирной интернет-конференции было указано, что необходимо стимулировать жизнеспособность цифровой экономики и повышать эффективность цифрового правительства, оптимизировать цифровую экономику, социальную среду, построить модель цифрового сотрудничества, построить прочный барьер цифровой безопасности и позволить цифровой цивилизации принести пользу людям всех стран [11].

Интересным фактом является то, что проводят параллель между докладом Дэн Сяопина на третьем съезде Коммунистической партии Китая [4] и докладом Си Цзиньпина на XX съезде Коммунистической партии Китая 25 октября 2022 года [5]. Историки уже называют идеи, озвученные в докладе, продолжением концепций Дэн Сяопина. Доклад Си Цзиньпина на XX съезде Коммунистической партии Китая был посвящён следующим темам:

Тайваньский вопрос. Уверенность в необратимости процесса воссоединения материкового Китая с Тайванем. Он подчеркнул, что власти КНР будут «искренне стремиться к мирному воссоединению», однако не откажутся от применения силы и сохраняют за собой право в случае необходимости принять все необходимые меры.

Внешняя политика. Китай не будет проводить политику гегемонизма и расширения своих границ. В то же время КНР не приёмлет мышления времён холодной войны, вмешательства во внутренние дела других стран и выступает против двойных стандартов.

Модернизация армии. Китай намерен ускорить реформы и модернизацию Народно-освободительной армии Китая (НОАК). По словам главы государства и партии, преобразование НОАК в одни

из сильнейших вооружённых сил в мире к 2027 году является приоритетом.

Борьба с коррупцией. Борьба со взяточничеством является базовым путём реформирования КПК, и борьба с коррупцией не будет прекращена.

Другие задачи. Си Цзиньпин подчеркнул, что одним из приоритетов властей является превращение Китая в мощную технологическую и индустриальную державу. По его словам, Китай будет обеспечивать энергетическую, а также продовольственную безопасность. Он также указал, что власти страны будут уделять особое внимание обеспечению стабильности, безопасности и бесперебойной работы цепочек производства и поставок, в том числе в условиях пандемии [5].

Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Выяснили, что политическая и социально-экономическая ситуация были максимально неблагоприятными, а последствия культурной революции и великого скачка плачевными. Когда в 1979 году Китай начал свой переход от плановой экономики к рыночной, это была бедная и замкнутая страна с доходом на душу населения в размере 182 доллара. Китай стал самой быстрорастущей экономикой в мире с 1980 года, темпы роста составляют 10%. Реформы Дэн Сяопина открыли путь к экономическому процветанию Китая. Очевидно, что из опыта Китая за последние 30 лет можно извлечь полезные уроки.

Также проанализировали основные направления реформ «красного кардинала» Дэн Сяопина. После того, как Дэн Сяопин, известный как основатель китайской реформы, стал лидером Коммунистической партии Китая и инициировал ряд реформаторских программ, экономические показатели Китая были просто поразительными. Его реформы включают реализацию политики «одна семья – один ребёнок», направленной на

сокращение численности населения Китая, и запуск программы «Хань». План «четырёх модернизаций» охватывает области сельского хозяйства, промышленности, науки и техники, а также национальную оборону. Он коллективизировал коммуны, позволил фермерам преследовать личные интересы и разрешил им владеть фермами и выращивать любые культуры, которые они хотели. После достижения государственной квоты им разрешается получать прибыль, продавая продукцию на рынке. Открытость Китая внешнему миру привела к притоку иностранных инвесторов. Это также позволяет китайцам выходить на улицу и инвестировать. Поощряя индивидуальное владение собственностью и приватизацию отраслей, что привело к значительному увеличению числа компаний и отраслей промышленности, плюс, тем самым поглощая безработицу. Создание особых экономических зон, государственных и поселковых предприятий – все это привлекло инвесторов и способствовало продвижению Китая, наладило дружественные отношения с другими странами.

Хотя положительное влияние реформ Дэн Сяопина было огромным, негативные последствия тоже наблюдались, среди них региональные различия, разрыв в доходах и т.д.

Особенностями начатых Дэн Сяопином реформ является, во-первых, их теоретическая обоснованность, во-вторых, их перманентность, так как в Китае их до сих пор продолжают.

Основная теоретическая база реформ – китайский социализм, социалистическая модернизация с китайской спецификой, а также политика открытости и экономическое строительство. В докладе Дэн Сяопина обозначены характерные черты и чёткие принципы реформирования. Например: практика является единственным критерием проверки истины, и решительно перестали использовать фразу «классовая борьба как критерий». Под лозунгом «Принцип» приняли историческое решение переместить фокус партии и работы

страны на экономическое строительство и провести реформы и открытость, демократический централизм партии, укрепить структуру руководства партии, создать Центральную комиссию по проверке дисциплины. В результате КПК начала историческую трансформацию: от «классовой борьбы как ключевого звена» к сосредоточению внимания на экономическом строительстве, от жесткости и полужесткости к всеобъемлющим реформам, от закрытости и полужакрытости к открытости для внешнего мира. Пленарное заседание положило начало великому пути реформ, открытости и социалистической модернизации.

Основными задачами политики реформ экономической системы с упором на города, плановая товарная экономика, основанная на общественной собственности. Была перестроена традиционная концепция противопоставления плановой экономики и товарной экономики и было предложено, чтобы социалистическая экономика страны была «плановой товарной экономикой, основанной на общественной собственности»; оно преодолевает это противоречие; между собственностью всего народа и государственными институтами.

Традиционная концепция, согласно которой предприятия с непосредственным управлением объединяются, предполагает, что «права собственности и управления могут быть надлежащим образом разделены». «Решение» предусматривает решение ряда важных вопросов, таких как повышение жизнеспособности предприятий, развитие социалистической сырьевой экономики, придание важности экономическому рычагу, осуществление разделения правительства и предприятий, а также расширение экономического и технологического обмена. С тех пор реформа экономической системы с упором на города проводилась всесторонне

Социалистическая рыночная экономическая система интегрирована с базовой социалистической системой. Создание социалистической рыночной экономической системы должно позволить рынку играть фундаментальную роль в распределении ресурсов под национальным макроконтролем.

Китайские экономические реформы состояли из нескольких этапов. Зачастую они не были частью каких-либо теоретических построений, а являлись адекватным и практически выверенным ответом на самые насущные проблемы («Переходя реку, ощупываем камни»).

В настоящее время Китай превратился в мирового лидера. Вторая по величине экономика в мире с капиталом в 12 триллионов долларов США [17]. Экономические реформы привели к масштабному экономическому росту и изменили судьбы сотен миллионов китайцев. По данным Всемирного банка, больше 850 миллионов человек были избавлены от нищеты [11].

Необходимо дальнейшее преобразование механизма работы государственных предприятий и создание современной системы предприятий, которая адаптируется к требованиям рыночной экономики, имеет четкие права собственности, четкие права и обязанности, разделяет правительство и предприятия, а также научный менеджмент. «Решение» обобщает основной опыт реформ и открытости моей страны, содержит новые прорывы в теории и политике и является программным документом для дальнейшего углубления реформ.

Перспективой дальнейших исследований может быть исследование современных взаимоотношений России и Китая.

Список литературы

1. Бокщанин, А. А. История Китая: древность, средневековье, новое время. М.: Восточная литература, 2010. 599 с.
2. Булдыгерова, Л. Н. История Китая. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016. 168 с.
3. Ван, Сичжэ. Свободные экономические зоны Китая: история и современность // Информация и инновации. 2020. Т. 15, № 4. С. 84–90.
4. ГСУ КНР. Серия докладов о достижениях социально-экономического развития в честь 70-летия основания нового Китая [Электронный ресурс] // Доклад 18. Результаты регионального развития. – Режим доступа: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201908/t20190819_1691881.html (Дата обращения: 01.04.2026).
5. Доклад Си Цзиньпина на 20-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая от имени Центрального комитета Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202210/t20221026_10792071.html (Дата обращения: 01.04.2026).
6. Корсун, В. А. Внешняя политика Китая на пороге XXI века. М.: МГИМО Университет, 2002. 195 с.
7. Корсун, В.А. Империя лавирует или как Китай включили в семью наций: монография. М.: МГИМО Университет, 2022. 316 с.
8. Лян, Цзяньфэн. Краткое изложение стратегии Мао Цзэдуна по выравниванию развития региональной политики // Вестник Шансийского сельскохозяйственного университета (социальные науки). 2008. № 1. С. 55–57.
9. Михеев, В. Эволюция социально-экономической модели развития Китая // Общество и экономика. 2000. № 3–4. С.148–188.
10. Раскрепостить мышление, реалистически подходить к проблемам, объединиться и смотреть вперед [Электронный ресурс] // Доклад на третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва, Пекин, 18-22 декабря 1978 года. – Режим доступа: <https://asia-business.ru/law/law2/> (Дата обращения: 02.04.2026).
11. Сайт «О Китае» [Электронный ресурс]. – URL: <https://okitay.ru/istoriya-kitaya/> (Дата обращения: 02.04.2026).
12. Смирнов, Д. Дэн Сяопин и модернизация Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2004. №5. С. 21–29.
13. Сяопин, Д. «Четыре модернизации». Великий китайский рывок [Пер. с кит.]. М.: Алисторус, 2024. 270 с.
14. Титаренко, М. Л. Китай на пути модернизации и реформ. 1949-1999. М.: Восточная литература, 1999. 735 с.

15. Minchung, Hsu. Tax incentives and foreign direct investment in China // *Applied Economics Letters*. 2019. Vol. 26, iss. 9. P. 777–780.

Литвин Лилия Анатольевна, кандидат политических наук, доцент, доцент, ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет, Луганская Народная Республика, г. Луганск

Litvin L. A.

**POLITOLOGICAL ANALYSIS DENG XIAOPING'S
REFORMS IN CHINA**

This article attempts a political analysis of the reforms of China's supreme leader Deng Xiaoping, who is still considered an outstanding politician and reformer who led the country to economic growth and political stability after the Cultural Revolution. The main directions of Deng Xiaoping's reform policy are outlined; «socialism with Chinese characteristics» is characterized – the course of four modernizations; the idea of China's openness is revealed. At the same time, both positive results and negative consequences of the reform are mentioned, and the importance of Deng Xiaoping's reforms for the formation of modern China is analyzed.

Keywords: *People's Republic of China, reform, modernization, political development, «socialism with Chinese characteristics», «the course of four modernizations», the idea of openness.*

Litvin Lilia Anatolyevna, PhD in Political Sciences, Docent, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lugansk State Pedagogical University», Lugansk People's Republic, Lugansk.

Статья поступила в редакцию 22.02.2026 г.

УДК 130.2 : (394.011+392.3)

Лустенко А. Ю.

**УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ РУСИ
(ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ БИНАРНОГО ПРИНЦИПА К
АНАЛИЗУ СРЕДНЕВЕКОВОГО РУССКОГО СОЦИУМА)**

Статья представляет собой попытку рассмотрения ранней и средневековой истории русского социума в свете диалектики двух тенденций, определяющих динамику его социокультурного существования. Данные тенденции автор обозначает категориями «присутствие» и «уход». Центробежные и центростремительные тенденции исторического бытия, отношение к центру и периферии, моральная ценность администрирования – все эти процессы в истории русской цивилизации попеременно определяются одной из этих двух категорий. Таким образом, бинарный характер древнерусской культуры, и действующую в глобальном масштабе духовно-поведенческую идентичность автор определяет как Универсальную бинарную оппозицию Руси.

Ключевые слова: *социальный порядок, социокультура, бинарность, власть, архетип, центр, периферия, социальный статус, князь, бояре, маргинальность.*

Введение. *Постановка исследовательской проблемы.* Одним из наиболее продуктивных методов исследования, понимания и описания социокультурной общности как сложного, динамичного организма, который объединяет в себе традиционный уклад и стремление к новому, является выделение в ней инвариантных структур, которые отличают её от других общностей и при этом, изменяя с течением лет и выражая своё конкретное содержание по-разному в различных областях культуры и социума, сохраняют постоянство. Осмысление таких инвариантов позволяет

рационально представлять и раскрывать механизмы отношения данной социокультурной системы прежде всего к себе самой и к своим составляющим. Развивая их, «включая» их работу в отношении различных предметных уровней существования человека и общества, конкретная социокультура выделяется из своего окружения, а также отвечает на вызовы времени, актуализируя свои имманентные силы и отстаивая свою жизнеспособность. С помощью таких инвариантных структур совершается процесс выделения и фиксации специфических особенностей мироотношения данной человеческой общности как исследовательская задача историка, социолога, философа, культуролога.

Цель статьи. Установить наличие и проанализировать процесс существования бинарных тенденций в формировании и развитии русского средневекового социума.

Объект. Тексты социально-политического и философско-мировоззренческого содержания, характеризующие социально-управленческую идентичность средневекового социума Руси.

Предмет. Наличие и формы социокультурного выражения бинарных тенденций в социально-управленческой идентичности социума средневековой Руси, основных идеологических и этнокультурных традициях, сыгравших формирующую роль в процессе становления средневекового русского социума и дальнейшем развитии общественно-значимых представлений о социальном порядке.

Степень научной разработанности. История формирования социокультурной идентичности Руси, её доминирующих ценностей, специфического и злободневного для сегодняшнего дня социокультурного кода Руси, освещается в трудах классических русских историков и исследователей русской культурной традиции, таких как В.Н. Татищев, М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров,

Д.И. Иловайский, А.Д. Нечволодов, Ю.Г. Алексеев, Б.Д. Греков, Л.Н. Гумилёв, А.А. Зимин, М.К. Каргер, Д.С. Лихачёв, Н.И. Павленко, Б.А. Рыбаков, А.Н. Сахаров, Р.Г. Скрынников. Общие вопросы развития средневековых культуры и социума, наличие в них форм, инвариантных в отношении различных этносов и государств, а также анализ особенностей, присущих отдельным социокультурным и цивилизационным общностям, раскрывается в работах историков Ж. Ле Гоффа, Ф. Броделя, А.Я. Гуревича. Вопросы духовно-нравственной идентичности русской цивилизации, процесс её становления, трансформаций, диалектики взаимоотношения автохтонных и заимствованных культурных форм и смыслов освещаются в работах С.С. Аверинцева и В.В. Кожина. В отношении анализа средневекового русского социума с позиции наличия и актуальной роли в его развитии – знаковых форм, а также инвариантных структурно-функциональных отношений, статья опирается на теоретико-методологическое наследие таких учёных, как Ю.М. Лотман, В.Ф. Лобас, М.В. Попович, В.С. Горский.

Бинарный принцип в картине мира. На ранних стадиях существования духовно-практического освоения реальности базовую роль обретает разделение на *своё* и *чужое*. «Древние индоевропейские общности противопоставляли сферу "своего", "свободного" сфере "чужого" и "враждебного"» – указывает М.В. Попович [1, с. 18]. В свою очередь, эту оппозицию понятий не следует отождествлять с другой категориальной парой, унаследованной от архаического сознания: *порядок / хаос*. Последняя в качестве усложнения акта схватывания реальности человеческими разумом и чувствами имеет более поздний характер. Первая бинарная оппозиция опирается на опознавание действительности по критерию родовой принадлежности, включённости в большую племенную семью. «Смысловым источником обозначения этой сферы был корень SWE-,

связывающий изначально «Я» с другой половиной экзогамной семьи» [1, с. 18]. Отчуждение от этой сферы не несёт для архаического сознания прямого отождествления с отсутствием порядка. Наоборот, одним из наиболее устойчивых в масштабах человечества архетипов является перенесение в мир враждебного и чужого – как общей структуризации, так и «малых» символических компонент, обозначающих наличие порядка в привычном, «своём» мире. «Чужие земли» в плоскостной картине мира, так же, как и «нижний мир» в картине вертикальной, в представлениях и фантазиях оказываются не менее организованными, иерархически упорядоченными и наполненными различными артефактами, маркирующими ранг своего носителя, что зачастую носило источником пародии.

Для эллина мир в целом, система онтологии, которая полагается в основе его миропонимания, а также череда ценностных ориентиров эллинской цивилизации структурируется в согласии с двумя бинарными оппозициями: *космос / хаос* и *эллыны / варвары*. Для мироотношения Ближнего Востока, развивавшегося под влиянием этико-центричных дуальных систем зороастризма и манихейства, сущностный смысл бытия сводился, как известно, к борьбе Ахурамазды с Ариманом, Духа *добра* с Духом *зла*. Культуры средневековой Европы, как определяет Ж. Ле Гофф, активно воплощает свои социальные и поведенческие стандарты в виде интерпретации христианского представления о противостоянии Господа и дьявола в категориях преданности и предательства. «Рядом со своей опорой, восставшими ангелами, он (дьявол) сам представал типом вероломного вассала, *изменника*. Дьявол и Добрый Бог – вот пара, которая доминировала в жизни средневекового христианства и борьба которой объясняла в глазах человека средневековья каждую деталь событий [2, с. 150].

Следует подчеркнуть двусторонний характер этих бинарных оппозиций. С одной стороны, это категории были и продолжают оставаться прежде всего *словом*, кодом, который предназначен для трансляции, понимания и структурирования данного отрезка действительности – для операций, *внешних* по своей сути, анализирующих, *рационализирующих*, *воспроизводящих* по своей задаче с необходимым и неизбежным сохранением дистанции для *рационализующего* и *воспроизводящего*. С другой стороны, они не обладали бы никаким когнитивным значением, если бы не присутствовали объективно в данной социокультурной действительности как главные интенции освоения сущего, преобразования сущего «в-себе» в сущее «для-человека», который проживает в данном социуме. Они играют организующую роль в реальном бытии этого общества, определяют поведение, идеалы человека, живущего в нём, формируют механизмы экономической жизни, правового регулирования, действующие в нём. Оппозиция «эллинов» / «варваров» – представляет не просто связку двух слов, с помощью которых древние греки оценивали своё место в социокультурном и космическом целом ойкумены. В них заключены интенции, в согласии с которыми организуется целая череда объективно существующих, противопоставленных одна другой установок общественного бытия и отношения к человеку. В соответствии с ними осуществляется разделение Универсума по целому ряду ценностных стандартов, требований к человеку и к отношениям между людьми. Древнегреческая оппозиция космоса и хаоса, действительно, взята из эллинского *мира слова*, то есть характеризуется категориально-символической значимостью на пространстве древнегреческого мифа и литературы. Но космичность как тотальная упорядоченность, что воплощает единство внутреннего и внешнего совершенства, красоты, подобия эйдосу, включает в себя целую череду поведенческих механизмов

древнегреческой культуры слова, которые уже отстоят довольно далеко от изолированно взятой сферы мифа и литературы. Иначе говоря, изначально отметим двусторонний характер бытия универсальных, сквозных символов, характеризующих конкретную культурную целостность: их когнитивная значимость обуславливается их объективным существованием в социокультурном бытии и, с другой стороны, то, что они играют значительную роль в повседневном существовании социума, обуславливает то, что проявляются они *в мире слова*, в коммуникации, в том смысле, о котором ведают и поведывают, то есть о котором сообщают, в символах, понятиях, описаниях.

Категории, которые дают адекватное для данного социума понимание его жизни и внутреннего единства, с необходимостью отвечают требованию инвариантности. В синхронном ракурсе рассмотрения это значит, что данные категории не могут редуцироваться до объёма тех понятий, в виде которых они реализуются в одном отдельно взятом измерении существования данной людской общности. Они не могут быть получены путём заимствования из одной какой-либо сферы духовной культуры – мифологии, философии, поэтики, и чисто формального притягивания к ним механизмов практического, поведенческого, коммуникативного уклада. Им принадлежит инвариантное бытие, относительно которого любое изменение в истории социума играет роль новой плоскости для деятельностного или символического разворачивания. Таким образом, в разнообразных измерениях жизни социума эти категории проявляют себя, как отдельные подсистемы единого целого. Процесс аналитического схватывания их содержания подразумевает синтез их частных определений, снятия их односторонности, обусловленной задачами, прагматикой и законами, имманентными данному направлению бытия социокультуры. В диахронном ракурсе рассмотрения

инвариантность этих категорий означает существование некоего «закона сохранения» их значимости и функций на протяжении различных этапов истории единой социокультурной общности. История данного социума движется как процесс, будучи натянутой на каркас из этих категорий. В случае, когда такие категории образуют бинарную пару, история этой социокультуры осуществляется как колебание между состояниями, в которых один член противостоящей пары доходит до своего максимума, после чего его роль идёт на спад, тогда как историческая протяжённость между этими точками максимума представляют их более-менее равномерное соединение. С другой стороны, их инвариантность не выражается в их статичности. Рациональная обусловленность их изменений проявляется как частичные, одномерные формы их существования, реализуясь и выступая в качестве предмета наблюдения в различных областях существования социума.

Универсальная Бинарная Оппозиция Руси: общая формулировка. Социальная действительность древней и средневековой Руси, как сложная система упорядочения, индивидуально ей присущая среди других социокультурных целостностей, как единство исторической стабильности и исторической изменчивости коллективного и личностного бытия, позволяет определить собственную бинарную оппозицию в виде категорий «присутствия» / «ухода», которую мы обозначим как Универсальную Бинарную Оппозицию Руси (в дальнейшем для краткости используем аббревиатуру УБОР). На различных функциональных срезах жизни русского социума осуществляется постоянное колебание между состояниями, которые возможно понять в их целостности и взаимной связи, неразрывности и законосообразности лишь принимая во внимание жизнь этих двух противостоящих друг другу интенций в образовании, развитии и осмыслении общества.

Всякие двойственность, дисперсия, противостояние, наблюдаемые в истории общества и культуры, являются *разумными*, обладают смыслом только при условии принятия во внимание, осознания и рассмотрения их в свете более высокого единства. Этот диалектический принцип, применяемый в рефлексии всякой исторической действительности, действует в отношении русской истории. Именно такому подходу к пониманию исторической действительности следует идея Универсальной Бинарной Оппозиции Руси. На всём протяжении жизни русского социума...

...то остро актуализируются механизмы дифференциации социума на центральное и периферийное, осевое и маргинальное, благородное и недостойное, когда часть социума, связанная со второй, периферийно-маргинальной составляющей социокультурного пространства, фактически доводятся до положения выключенной из социального, государственного, культурного порядка.

...то происходит инверсия всей системы параметров, которые организуют систему взаимоотношений социокультурного центра и периферии. Маргинальность не просто вбирается внутрь системы, но её организующие, ценностные компоненты обретают значение аттракторов упорядоченности. Антисистема, или даже вне-система становится «главой угла».

...то идеал человеческого места в бытии определяется через понятия владения, руководства, хозяйствования – отдельные видовые модели относительно единой корневой категории «присутствия» человека в его инобытии, в роли которого выступает весь мир вещей и идей.

...то круг основных требований ко всем уровням человеческого существования определяется идеалом тяготения к миру «иному», трансцендентному, потустороннему в отношении связей и причинности, что действуют в «этом мире». Парадигма,

определяющая положение человека в общественном бытии, которая предписывается такой интенцией, заключается в «уходе», отсутствии, понимании связи с обществом на началах временности и отрицании родовой связанности с ним.

УБОР: экономические и административные механизмы. В ракурсе функционирования древнерусского социума как поля деятельности различных механизмов экономической и властной регуляции УБОР моделируется как совмещение конструкций, которые характеризуют хозяина *временного* и хозяина *постоянного*. Первый значительный шаг в качестве целостного и унифицированного организма властно-экономической регуляции Русь совершает в виде организации практики *полюдь*. Б.А. Рыбаков характеризует его как «первую, наиболее обнажённую форму господства и подчинения, образования прав на землю, образования понятия подданства» [3, с. 70]. Известно, что полюдьё было автохтонным образованием. Одним из доказательств этого факта является то, что в текстах как Скандинавии, так и Византии при описании этой исторической реалии используется русское слово. По данным, которые приводит Константин Багрянородный, маршрут полюдьё проходил через земли четырёх племенных союзов, объединённых в составе Руси: древлян, дреговичей, кривичей и северян. Полюдьё продолжалось почти полгода: с ноября по апрель.

Для нас полюдьё интересно в качестве формы управления, которая связывает механизмы власти, которые определяются обеими оппозиционными категориями. Великий князь осуществляет ежегодный обход с «малой дружиной» (Ибн-Фадлан приводит число в «400 мужей, его соратников» [3, с. 78]). Однако в качестве структуры властной регуляции полюдьё не вмещается в условия и границы временного наезда. Самые ранние формы проведения полюдьё, в большей мере рассчитанные на временность, фрагментарной центростремительного присутствия Великого князя

потерпели поражение. Наиболее символичным и широко известным эпизодом, знаменующим это поражение, является убийство древлянами князя Игоря. Уже деятельность его вдовы опирается прежде всего на дифференциацию и усложнение механизма экономико-властной регуляции. Революционный характер её внутренней политики выступает не только в виде описанной Б.А. Рыбаковым регламентации норм оброков и дани, но и обращением к семиотическим средствам, обозначающих присутствие центральной власти. «В Пскове Ольга оставляет свои сани – своего рода дар городу. Летописец отмечает, что псковичи хранят сани и по сей день. Дар с подтекстом. Княжеские сани не просто память – они есть свидетельство о власти, документ для общего знания, особо важный в ту бесписьменную эпоху» [4, с. 83].

Погост как постоянное пространство, предназначенное для обслуживания княжеского рейда, оказывался аттрактором централизации и государственной универсализации *на местах*. «В социологическом смысле первые погосты были вынесенными в даль, в полуосвоенные края, элементами княжеского домена. Погост в то же самое время был элементом феодальной государственности, поскольку обе установки – доменные и государственные – тесно переплетались в практике и в юридическом сознании средневековых людей [3, с. 108]. Заметим, что обе названные выдающимся советским историком установки для духовности Древней Руси и мира её культуры оказываются одной из форм, которую принимает универсальная социокультурная оппозиция, определяющая всю историю и весь драматизм русской исторической судьбы.

Если *становище* вмещало княжескую дружину на время объезда, то *погост* должен был непременно объединять в себе всю полноту хозяйственной жизни общества – включая властные, распределительные, регулятивные, пенитенциарные, военные формы активности общества. Таким образом, в общественно-

экономической практике начинает вызревать организм, который будет развиваться в более поздние времена формирования русского типа государственного сознания и историософской традиции по тем канонам, которые задала Древняя Русь. Всякая власть одновременно постоянная и временная, внешняя для повседневного течения жизни, довольно слабо затрагивающая её суть, поверхностно, но постоянно присутствующая в нём, необходимая для социальной повседневности как в прямом, социально-функциональном смысле, так и в иных, «метафизических», смыслах.

Следующей ступенью в развитии на Руси отношений распределения власти, которые объединяют механизмы временного и постоянного владения, было образование системы княжеского и боярского вотчинного владения. Замечательный советский историк Ю.Е. Алексеев пишет в своей итоговой работе «Под знамёнами Москвы»: «Понятие «вотчина» – одно из фундаментальных понятий средневекового правосознания. Оно одного корня со словом «Отчизна» и означает в широком смысле всё то, что передаётся от отца к сыну, от предков к потомкам» [5, с. 11].

Впервые система наделения княжичей самостоятельными уделами была применена на практике Святославом Игоревичем. Выбрав в качестве собственной столицы Переяславец на Дунае, как место, которое позволяло контролировать целый веер торговых магистралей, «яко то есть середина земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, поволоки, вина и оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, из Угоръ сребро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медь и челядь» [6, с. 50], он ставит князем в Киеве старшего сына Ярополка, а в двух других княжествах, первыми получивших положение уделов в составе Руси, Древлянском и Новгородском – Олега и Владимира. Сам Владимир, после того, как стал Великим князем, *каганом*, ещё при своей жизни сажает князьями по городам Руси восьмерых своих сыновей.

Происходит *оттеснение* собственных «светлых князей», «испоконвечных» хозяев – княжичами-временниками. После гибели князя Мала Древлянская земля получает самостоятельность под властью Олега Святославича. Полоцкое княжество, отнятое Владимиром у Рогволода, отдано впоследствии Изяславу Владимировичу. Тема оппозиционности «местного» князя, который «распас» свою землю, исконного хозяина, заинтересованного в её процветании – «временнику», «хищнику», который стремится взять побольше дани, довольно образно в символическом плане и доказательно – в плане историографическом описывается А.М. Членовым в книге «По следам Добрыни» [7, с. 23]. Драматические события русской истории середины X столетия он сводит к противостоянию «своих князей», Мала Древлянского и Маловичей, в династию которых входит великокняжеский воевода Добрыня, его сестра, мать будущего Великого князя Малюша, дочь Малка Любечанина, которым и является загадочно исчезнувший со страниц летописи Полоцкий князь, и сам Владимир Красное Солнышко – варяжскому «направлению» во внутренней политике, которое находит своё наиболее выпуклое выражение в персоне убитого древлянами князя Игоря, «князя-волка» [7, с. 21-23, 46, 48]. Анализируя топонимические и фольклорные источники, А.П. Членов приводит обоснованное описание такого противостояния властных моделей, осуществившееся в реальных социально-исторических коллизиях. Автор выводит начало Руси в качестве государственного единства властвующей династии и осознания социумом культурного и этнического положения «верхов» и «низов» именно из осуществлявшегося при активном участии Владимира и Добрыни отрицания сведения всех административно-силовых функций власти к практике наёмничества и из проникновения в деятельность «верхов» – механизмов «распасывания» своих земель, то есть постоянного соприсутствия,

участия центральной власти в организации и защите общественного бытия, восприятия социальной жизни княжества – как своего собственного.

Но, несмотря на победу этих тенденций, которые озаменовали «взросление» социального организма, древнерусская общественная проблематика, так же, как и её отображение в мире представлений, характеризуется сосуществованием двух оппозиционных тенденций. С одной стороны, в роли субъекта унификации экономических и правовых отношений центральная великокняжеская власть во многом продолжает носить поверхностный характер, остаётся сторонним делом, в значительной мере ещё практикует временное, эпизодическое участие в процессах общественной жизни, производящей «уроки» и «суд» в ходе наездов. Кроме того, княжич, который распоряжался на данной территории, неизменно оставался временной силой благодаря механизму циркуляции, перехода княжеских уделов на степени престижа – старшему и наследования младшими освободившихся «столов». В сфере общественных представлений это способствовало осознанию временности всякой власти, которое складывалось на две стороны: в отношении князя с его «ближними» и в отношении выполнявших административные, распределительные и карательные функции его «аппарат». Б.А. Рыбаков пишет об этом: «При частых перемещениях князей с места на место они относились к своим вотчинам как временные властители: стремились как можно больше взять с крестьян и бояр. Ещё более временными лицами ощущали себя исполнители княжеской воли – подъезжачие, рядовичи, мечники, которым был поручен сбор доходов и передоверялась частичка власти самого князя» [3, с. 170].

Двусторонность архетипа временной власти реализовывалась не только на уровне лично князь и его административного аппарата, но и закреплялась в глазах простого народа как символ его

взаимоотношения с властью. Рядовой представитель древнерусского социума, при его внимательном и чутком отношении к характеру жизни «мира», сам усматривал в нём временный и неустойчивый по своим управленческим и хозяйственным механизмам характер. Широко известно, что Былины величают князя Владимира – Красное Солнышко. Однако социальная зоркость и ирония Даниила Заточника выдают нам другие эпитеты на тему этой же «пламенной» семантики: «Не имѣи собѣ двора близъ царева двора и не дрѣжи села близъ царева села: тивунъ бо его аки огонь... и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искоръ не можеши устеречися» [8, с. 230].

С другой стороны, боярское владение воплощается путём воспроизведения на этой социальной плоскости – категории хозяйствования, присутствия. Как отмечает Б.А. Рыбаков, боярам «не выгодно было разрушать хозяйство своей вотчины, которую они собирались передавать своим детям и внукам. Поэтому боярство должно было более разумно, тщательно вести своё хозяйство, умеряя свою жадность, переходя при первой возможности к экономическому принуждению – «купы», то есть одалживанию обедневшему смерду, крепче привязывая крестьянина – «закупа» к замку» [3, с. 171].

УБОР: социальная действительность и социальный статус. В ракурсе социальной действительности как поля дифференциации и статуйирования общности, общество средневековья представляется в актах двух родов: в образовании иерархии и в разделении социального пространства на систему и не-систему. Система характеризуется чёткой упорядоченностью, при этом значительную роль в обосновании смысла и функций каждого из статусов играет телеологический подход, который поясняет конечную цель и взаимную зависимость каждого из социальных слоёв для функционирования социального целого. А.Я. Гуревич приводит

конструкции средневековой социальной философии орлеанского епископа Теодульфа (IX в.) и короля Альфреда о трёх «орденах»: «...средством и материалом, необходимым для успешного осуществления монархической миссии, служат три «состояния»: «те, кто молятся» (gebedmen), «те, кто воюют» (fyrdmen) и те, «кто работают» (weorcmen). Здесь уже делается попытка представить общество не в плане богословия спасения, а как функционально расчленённое целое, каждая часть которого дополняет другие и служит осуществлению общей задачи» [9, с. 28].

УБОР существует на этой плоскости социальной действительности Руси в виде чередования – синхронного, относительно различных функциональных уровней социума, и диахронного, в исторической последовательности – двух подходов к системе социальной дифференциации как механизма упорядоченной и целенаправленной жизни социума.

Первый подход состоит в чётком соблюдении иерархии социальных статусов. «Феодальная иерархия как система в известной мере цементировала новое общество, образовывала череду объединённых один с другим уровней: высшие её уровни («светлые князья») были связаны, с одной стороны, с великим князем, а с другой – с князьями отдельных племён. Племенные князья были связаны с боярством. Вассалитет, который вырастал из микроструктуры первичного общества, был естественной формой для феодального государства» [3, с. 83]. Такой модели присуща нацеленность на монизм и однородность общественной среды. Человеческие массы, которые по каким-то причинам выпадают из своей социальной группы, как правило, обречены на существование вне всякой социальной системности вообще. Благодаря подобным механизмам в социокультурном целом возникают и вызревают альтернативные официальному общественному устройству самоорганизующиеся системы, с официальной точки зрения – не-

системы, которые владеют достаточно гибкими, устойчивыми и действенными формами функционирования, собственным семиотическим кодом и пр. На Руси одной из наиболее известных и развитых социальных групп, которые сформировались благодаря такому процессу вытеснения маргинальности, являлись скоморохи.

Этот подход является видовой реализацией *присутствия* в качестве категории УБОР, осуществлением её в стратификационном измерении Руси. Упорядоченность как субстанциональная характеристика общественного устройства, мыслится в виде реальности дискретной. Такая дискретность выражается в том, что действительность чётко и однозначно разделяется на социальное пространство, где она есть, и на среду, где её нет и следа, без наличия каких-либо транзитивных зон. Упорядоченность мыслится в неразрывной связи с конкретным социальным субъектом, с личностью или группой, которые сознают и структурируют действительность в соответствии в этой моделью. Таким образом, социальный субъект в этом измерении общественного функционирования также оценивает действительность и себя самого, исходя из категории «присутствия», хозяйствования, целенаправленно абстрагируясь от всего, что не вписывается в модель присутствия и владения в данном их понимании. Во властно-экономической перспективе в практике и миропонимании коренного хозяина своей вотчины. В перспективе стратификационной это реализуется в представлениях о едином и однородном социуме, выпадение из структуры которого тождественно потере какой-либо закреплённости и значимости в человеческом обществе вообще.

Иной подход к социальной дифференциации и организации на её основе индивидуального для данного народа культурного, государственного и общественного целого реализуется в акте вбирания маргинальной группы «внутри» социальной системы. Переход государственности на уровень более сложной,

дифференцированной консолидации происходят на Руси путём активного вписывания тех социальных слоёв и индивидов, существование которых прежде пролегалo вне пределов уместной иерархии статусов – назад, в границы законного и семиотизированного бытия социума. Государство в лице своей идеологии при этом откровенно заявляет о своей принципиально новой духовной организованности, что имеет свои в разной степени сложные проекции в мире конфессионально-религиозных, ценностных, формационно-экономических отношений. Целостная государственная реформа, проведенная князем Владимиром, конфессиональным и этическим выражением которой стало крещение Руси, в качестве своего необходимого функционального элемента на втягивание внутрь общественного организма – института изгоев как аморфной людской совокупности, образовавшейся в результате выпадения человека по той или иной причины из родовой общности. Обратим внимание, что подобный аттрактором образования упорядоченности нового рода воспользуется в своих реформах Пётр I. «Камень преткновения», «лишние» для прежней иерархии богатства, титулов и рангов массы делаются фундаментом нового порядка как в качестве лиц, составляющих новый властно-административные организации государства, так и в качестве носителей нового мировоззрения.

Таким образом, здесь также ситуация *ухода* в качестве категории, общей для русского социокультурного организма, реализуется с помощью механизмов, которые обеспечивают централизацию и универсализацию общества. Во властно-экономическом ракурсе она проявляет себя в деятельности временника, не-хозяина, внешнего в отношении расщеплённого, дискретного социума – села, надела, имения, вотчины. Благодаря своему внешнему в отношении какой-либо локализации в границах этой системы, в рамках данного социума, он не принадлежит

какому-либо властно-экономическому клану, в отношении подвластных ему источников экономического благосостояния он не связан интересами и обогащением какой-либо территории в рамках государства, такой субъект осуществляет в своей деятельности – политику государственной, экономической, социальной, религиозно-конфессиональной унификации. Он следует задачам, трансцендентным в отношении той целенаправленности и тех идеальных состояний, которые были бы обусловлены его *наудельным* статусом. *Уход* как категория УБОР прежде всего определяет отказ от ограничения и локализации, от «местечковости» социальной практики и социального сознания в сравнении с узкой прагматикой наличного горизонта целей и задач. Этот отказ воспроизводится в различных социальных ракурсах и воплощается в социокультурных процессах и явлениях различного порядка. В сфере статусной дифференциации он воплощается в процессах расширения границ социальной значимости, в обновлении общественного организма путём циркуляции верхов и низов, а также в изменении качества целевых горизонтов для властной элиты и для процессов развития государства.

УБОР и процессы межэтнической коммуникации. Процесс формирования культурного единства, обретения черт и функций целостного общественного организма необходимо сопровождается консолидацией и развитием коллективного самосознания этноса. Этногенез, главные составляющие которого нарождаются и вызревают в глубинах догосударственной эпохи, при формировании государства продолжает развитие в виде процессов осознания культурного и этнического единства, а также конституирования связи такого единства с государствообразующей практикой. Путь, который проделывает это направление социокультурной действительности Древней Руси, и его закрепление в коллективных духовных представлениях, колеблется между двумя максимумами,

которыми выступают конкретизацией для данной области Универсальной Бинарной Оппозиции Руси.

С одной стороны, широко известной является практика призвания внешних этносов для помощи во внутренних усобицах. Естественно, что легче всего было бы пояснить и осудить такую практику как неразвитость чувств и ценностей этнического единства. Государственность в феодальную эпоху мыслится не в категориях национального бытия, но в согласных с данным уровнем развития сознания понятиях вотчины, удела, владения, что приобретаются для безраздельного подчинения, безотносительных к проецированию их реалий на этническую картину. Ксенократия – вот предельный случай отношений власти и народа, принципа государственности и принципа этничности для феодальной эпохи, предельный случай – но и общий закон, объясняющий логику феодального сознания.

Однако летописи свидетельствуют, что осознание этнического единства, к тому же – в качестве одной из главных компонент устройства державы, активно проявляет себя уже в часы расцвета русской феодальной раздробленности.

Очевидно, было бы ошибочным сводить призвание иноплеменников – викингов, торков, печенегов, половцев, ордынцев – исключительно к авантюризму и беспринципности, присущим отдельным древнерусским князьям. Для самого народа древней и средневековой Руси должны были существовать осознанные в коллективном масштабе конструкции этнического универсализма, которые позволяли бы вбирать во внутривполитические процессы – значительные иноплеменные и иноязычные массы без возникновения процессов их целенаправленного отторжения. Ведь симптоматично, что в разгар лихолетия княжеских усобиц литературные и летописные памятники оказываются в большей мере склонными видеть

источник социального зла – в авантюристах-князьях, чем в степняках и викингах. Напомним также, что, помимо авантюристического стремления удержать или вернуть власть любой ценой, активное привлечение иноземных сил связывается с деятельностью многих князей, проявлявших значительную государственную, политическую и моральную зрелость. Привлечение иноземцев было расхожей практикой решения княжеских проблем с обладанием властью, к которой неверным будет подходить с современными критериями патриотизма и народного единства, выработанными нововременной идеологией национально-освободительных движений и национальных государств. Практикой, оговоримся, рискованной, шаткость которой на опыте была вѣдома многим князьям, стремившимся удерживать от «бесчинства» своих наёмников, находить их буйству или стремлению к наживе как минимум наименее деструктивный выход, либо оказывавшимися в положении конфронтации и раскола с собственным народом – участь, которая постигает князя Святополка Владимировича, прозванного Окаянным.

Этот этнический универсализм имеет основанием не идеологические конструкции, а коллективную психологию. В своём основании эта установка не апеллирует к христианскому обоснованию национальной открытости, согласно которому *нестъ во Христе ни еллина, ни иудея*. Возможность понять, договориться с иноплеменником, посочувствовать ему, происходила и выражалась для русича в осознании общечеловеческого характера практической жизни, её вопросов, проблем, тягот в различных её плоскостях – коммуникативной, политической, торговой, военной. Взаимопонимание не просто достигалось в ситуациях, замкнутых проблемно-практическим кругом: в военном союзнчестве, в пользовании предметами быта, хозяйства, торговле. Вещи, слова, смыслы, ценности проблемно-практического круга предполагали

умение понять представителя другого народа, носителя иного языка, и ввиду этот весь деятельностный поток повседневного существования выполнял функцию основного канала взаимопонимания в межэтнических отношениях.

Категория *ухода* реализуется на этой плоскости в процессах снятия границ этнического единства. Привычно упрекать древнерусских князей, умевших найти общий язык с викингами ли, с хазарами ли, с половцами ли, в авантюристической политике! Однако не станем забывать, что, помимо этого, результатом реализации *ухода* как социокультурной категории является воспитание национального универсализма как коренной черты русского менталитета. Воинствующая национальная нетерпимость чужда и враждебна духу русского народа. Не случайно прецеденты погромов на национальной почве в русской истории возникают лишь на закате национально-конфессиональной модели российской государственности, в начале XX века, будучи связанными со многими острыми кризисными событиями в истории государства и национального самосознания – поражения в Русско-Японской войне, Первой русской революции 1905-1907 годов и были напрямую инспирированы «сверху» самим государством, во всяком случае, его силовым блоком, старавшимся таким нехитрым путём сублимировать своё бессилие с наступившим в тот момент государственным и общественным кризисом.

Уход в качестве категории УБОР означает *подъём над* границами этнической замкнутости. Иноземец оставался чужаком, но естественным для русской духовной конституции реакцией на отношения с ним была не враждебность, а любопытство – в качестве реакции на непохожее, непонятное, на чужой жизненный уклад, и сочувствие – в немалочисленных случаях, когда встречу с ним обуславливали нужда и бедствия на его собственной земле, а не военный захват нашей. Важно то, что при формировании такой

установки чувство национальной исключительности отталкивается не религиозной установкой, а эмоционально-чувственной конституцией русского народа и повседневной проблематикой – быта, торговли, хозяйствования, военного побратимства. Происходит массовое осознание того, что для успешного решения жизненных проблем народ должен представлять из себя систему, разомкнутую в этническом плане. И самым важным плодом этого этнического универсализма следует назвать сам процесс и факт образования русского народа и осознания народного единства, которое проходит через века и уже более тысячелетия нашей народной истории – из наличной для древнерусского пространства, и географического, и этнического, данности разрозненных восточнославянских и юго-восточной ветви финно-угорских племён: полян, древлян, дреговичей, радимичей, северян, вятичей, кривичей, мери, веси, мурома, полочан, дулебов, тиверцев, уличей, волянян.

Категория *присутствия* реализуется в данном измерении благодаря этнической дифференциации. Формируются механизмы социальной практики и идеологии, которые устанавливают чёткие границы между русичами и не-русичами. Принадлежность таких механизмов к корневой категории *присутствия* определяется тем, что в них реализуется и семантизируется имманентность данного социального субъекта – индивида, семьи, социальной группы – внутри, имманентно определённой этнической реальности. Само это присутствие формирует социальную действительность как разделённую на «своих» и «не-своих».

Отметим, что первая в русской истории кодификация правовых норм во многом была вызвана необходимостью размежевания «своих» и «варягов» в качестве субъектов правовых отношений новгородского социума. Русская правда, её древнейший вариант, предложенный князем Новгородским, прежде Ростовским, Ярославом Владимировичем в 1016 году, отображает необходимость

опираться на «местные» людские ресурсы и дистанцирования от политики наёмничества, во всяком случае отказа от расценивания наёмников как равнозначного, легитимного субъекта общественной жизни. Таким образом, уже первый русский Основной закон проводит идею необходимости накладывания «изнутри» социума чётких границ между «своими» и «чужими». Такое положение вещей комментирует Б.А. Рыбаков: «Древнейшая Русская правда... изображает нам Новгород расколотым... на два лагеря: к одному принадлежит население Новгорода от боярина до изгоя, а к другому – чужаки варяги и колбяги (жители Балтики)» [3, с. 153]. Новгородцу закон верит на слово, варяг своим показаниям обязан предоставить свидетеля. «Только в отношении варягов и колбягов закон предполагает штраф за укрывание чужого челядина. Особенно важно заметить, что в списке лиц, жизнь которых оберегается давним обычаем кровавой мести или высоким штрафом в 40 гривен, есть все слои местного населения, указаны даже киевляне, но нет ни варягов, ни колбягов, хотя эти чужаки и владели домами в Новгороде» [3, с. 153-154].

Двойственность употребления названия «Русь» в летописях также служит иллюстрацией существования разных уровней социальной практики и семиотики Руси в свете УБОР. В древнерусском сознании была Русь в «широком» и «узком» смысле слова. В первом это было объединение племенных союзов восточных славян вокруг личности и управленческих функций «старшего князя» – Киевского. С другой стороны, довольно часто летописи используют выражение «поехать на Русь». За жителем Киевского княжества закреплялось понятие «русин», то есть житель Руси. Таким образом, действует двойной механизм этно-территориальной идентификации, согласно которому название «Русь» фиксирует транс-племенное образование, переводя его на уровень целостного государственного, исторического, культурного

образования, но, наряду с этим, существует некая *преимущественная* Русь, идентифицируемая с центром государства. Заметим при этом, что в социальном мироотношении принадлежность к этой последней не несёт никакого привилегированного статуса.

УБОР в контексте сосуществования идеократической и этократической моделей организации русского социума. Социокультура Древней Руси сформировалась как синтез двух структур мироотношения: идеократической и родовой. Для Руси они представляли из себя две возможные модели конструирования реальности в различных её аспектах: космогоническом, историософском, идеологическом, обыденном. Таким образом, даже область идей, смысловых конструкций, с помощью которых народ переорганизует различные аспекты окружающей реальности из хаоса разрозненных элементов в движущуюся, целенаправленную упорядоченность – также оказывается подчинённой одновременному взаимному притяжению и отталкиванию бинарной оппозиции *присутствия / ухода*. В коллективном мироотношении, которое выражается с помощью идей, оценок, чувств, символов и пр., категория *присутствия* реализуется в понятии и стихии рода. Представления о родстве, наследовании по принципу «от отца к сыну», семантика материнства, женственности, интимности – всё это является необходимой стихией самовыражения для общества и культуры Руси, способом описания мира, который определяет характерные, положительно оцениваемые модели действий человека в мире. Реальность воспринимается и кодифицируется в красках материнства, взаимной родственности, укоренённости, присутствия человека в бытии. Противоположным полюсом понимания действительности и человеческого места в ней является нацеленность на высшие горизонты духовности, аскетизма, чистоты,

на максимальную оторванность от всего опосредованного, частного, мирского, греховного.

Для такого мироотношения понятие «земного» существует в двух смыслах. Есть *земное* как материнское, родовое, тесно связанное с бытом, трудом, семьёй и необходимо связанными с этими началами самоограничением, усилиями, аскезой. Поэтому неверно было бы утверждать, будто стихия рода для русского коллективного сознания и чувственности есть оппозиция духовно-аскетическому началу, реализации в культуре и обществе категории *ухода*. Род и семья в русской духовности – не жизнеутверждающее, гедонистическое противопоставление *уходу*, но его специфическое продолжение, путь житейского, мирского аскетизма. Оба этих поведенческих идеала, как один, следующий императиву *ухода*, так и другой, следующий императиву *присутствия*, парадоксальным образом оказываются неразрывно объединены с отвержением греховного, суетного, ущербного с позиции русской православной нравственности, но осуществляют это разными путями. Стихия *земного* предстаёт в этом качестве необходимым компонентом достижения и повседневного существования святости. И есть *земное* в значении богооставленности, потерянности небесного, духовного под спудом суеты и опосредованности.

В идеологическом ракурсе УБОР реализуется путём соединения двух механизмов осмысления и реализации власти в вопросах её происхождения и сути. В представлениях о сущности власти оппозиция *присутствия* / *ухода* воплощается в противостоянии двух комплексов идей. Первая категория выражается в династическом принципе и в идее древнего демократически-трудового происхождения носителей власти лично либо в виде их династического правопреемства. Другая категория опирается на личностную богоизбранность властителя и апофатический характер его избранности.

Закон и транс-законность как модели реализации УБОР. Родовые отношения являются основой практики упорядочения людской общности, более *ранними* по своему стадильному месту, чем институализированный и формализованный закон. В отличие от родового принципа, начала идеократии по характеру своих духовно-нравственных требований стоят «выше» закона. Обе эти модели не являются единственной бинарной оппозицией, которой описывается и по которой разворачивается процесс социальной жизни Руси. Противостояние *языческого* по своим энергийным источникам *рода* и *православного мироотношения* в качестве критериев порядка есть бинарная оппозиция, которая действует *изнутри* специфически русского процесса *вытеснения* закона. Но абсурдно было бы сводить индивидуальные черты социокультурного бытия Руси – исключительно к правовому нигилизму, диктуется ли он семейно-родовой, или небесной санкцией! Если мы поднимаемся на одну ступень выше оппозиции идеократических и родовых структур как механизмов отторжения закона в качестве источника социального порядка, мы получим новую бинарную оппозицию, которая позволит нам сделать более широкое заключение. Кроме социального сознания, различных вариантов ответа на вопрос, во имя каких ценностных горизонтов закон признаётся неабсолютным, она вбирает в себя также уровень социального бытия. И здесь параллельно действуют две смысловые конструкции. Одна из них содержит в себе специфически присущие русскому обществу и духовной культуре интенции для формирования законности как критерия порядка, те идеи, ценности, проблемы, задачи, что сподвигли Великого князя Ярослава Владимировича на создание «Русской правды», которые впоследствии вдохновят замечательных русских философов К.Д. Кавелина, М.П. Погодина, Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева к разработке традиции русской философии права. Русский народ испокон веку тянулся к

законности, нуждался в ней, страдал от её отсутствия как гаранта общественной стабильности, усматривая при этом её неабсолютный характер и её потребность в высшей санкции, на место которой, с позиции русского народа, может претендовать либо семья, род, родительство, либо Господь Бог. От того вторая категория УБОР – *уход* осуществляет здесь функции вытеснения законности, снятия её как «греховного» механизма социального порядка. И «греховен» он оттого, что с позиции родовых отношений знаменует чужеродность между людьми, обозначает их «неродство», а с позиции православного христианского мироотношения необходим этому миру, поскольку в нём царит «падшесть», грех, богооставленность.

Механизмы общественного бытия, с помощью которых утверждалась и реализовывалась законность, на Руси обозначались понятиями *порядок, ряд, устав*. Летописное объяснение начала древнерусской государственности мотивировалось именно необходимостью *ряда*. Древнерусское слово «ряд» означает «договор», *рядовичи* составляли социальный слой зависимых людей, связанных отношениями договора вышестоящим лицом.

На рассвете феодальной эпохи на Руси законность в качестве формы выражения централизованного управления существовала и понималась народом прежде всего в урегулированности процесса сбора дани. Актуально закон был должен ставить предел князьему своеволию. Уважение и память как о выдающемся государственном деятеле предавались тому князю, который выступал инициатором такого процесса: ведь он сам выступал субъектом возможного и законного социального насилия, и его инициатива такого рода была справедливо воспринимается как акт властной самодисциплины и справедливости. «Мудрая» согласно летописному преданию и «святая» согласно православной церковной канонизации, княгиня Ольга осталась в народной памяти как фигура исторического масштаба именно благодаря тому, что выступила инициатором

именно таких форм реализации справедливости «И иде Ольга по Дерьвьстѣй земли с сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки» [6, с. 46].

Закон на Руси, как доказывает академик Б.А. Рыбаков, был гибкой историко-контекстуальной структурой. Применительно к условиям эпохи этот тезис означает не перевод на научные термины русской поговорки «Закон – что дышло, куда повернёшь – туда и вышло», но тот исторический факт, что закон образовывался с самого начала не в качестве попытки целостного отображения всего комплекса социального бытия Древней Руси, но как ответ на сугубо конкретную проблематику. Его кодификация была вызвана потребностью в урегулировании именно данной конкретной прослойки проблем, *мера неупорядоченности* которой на данном этапе истории превосходила возможность разрешения их прежними методами. Так, например, Старейшая Ярославова Правда детально описывает все нормы, касающиеся разрешения конфликтов, которые возникают среди горожан. При этом известно, что создание этого корпуса юридических санкций было вызвано обострением взаимоотношений между викингами и новгородцами, которое выражалось зачастую в уличных стычках. При этом, как отмечает современный английский историк Джон Хейвуд, специалист по истории викингов, в Новгороде «скандинавских артефактов обнаружено немного, из чего явствует, что Новгород с самого начала был преимущественно славянским городом, во всяком случае в плане материальной культуры» [10, с. 223]. Следующая реформа законов, проведенная достойным продолжателем державных трудов Ярослава, Владимиром Мономахом, также была продиктована назревшей необходимостью уточнения и унификации административной, экономической, стратификационной сфер жизни древнерусского общества. «Созвав в Киев знатнейших бояр и тысяцких, Ратибора киевского, Прокопия белгородского,

Станислава переяславского, Нажира, Мирослава и боярина Олегова Иоанна Чудиновича, Мономах рассуждал с ними о Русской Правде и соединил или подтвердил многие новые важные законы: о ростах, о наёмниках, о свидетельствах, о побоях, о наследстве, о судебных пошлинах, о долгах, о холопах, смердах и проч., законы, доказывающие его предусмотрительность, заботливость и здравый смысл» [11, с. 182].

Законы относятся также к тем механизмам социальной регуляции, которые к моменту своей кодификации имели под собой достаточно долгую историю практики реализации. Договоры с Византией 911 и 914 годов содержат упоминание о некоем не дошедшем до нас «законе русском». Вероятнее всего, до эпохи своей официальной и централизованной кодификации он бытовал устно. «Долгое время взаимоотношения между феодалами и крестьянами, отношения дружинников между собой и место князя в обществе определялись устным, неписанным законом – обычаями, которые подкреплялись реальным соотношением сил. Насколько мы знаем это обычное право..., оно было крайне разветвлённым и регламентировало все стороны человеческих взаимоотношений: от семейных дел до пограничных споров» [3, с. 162-163].

Структуры, в форме которых народом понималась и осуществлялась кросс-легитимная практика – род и православное мироотношение – вступают во взаимодействие с легитимными структурами по принципу дополнения. Социум Древней Руси самостоятельно приходит к осознанию необходимости наличия закона. Недаром в летописной кодификации, исторической памяти и социальной практике тех времён он получает звучное и гордое имя – Правда. Идущее от слова «Правь», то есть упорядочивания человеческих отношений в соответствии с принципом справедливости. И не случайно в древнеславянском словоупотреблении, берущем начало в дохристианской мифологии

понятием, оппозиционным *Прави* была *Навь* – чары, иллюзорность, силы, злокозненные для человека, короче, переходя к словам более позднего употребления – бесовщина в религиозном понимании и ложь – в человеческом – вот что на самом деле было противно закону, то есть противостояло ему в древнерусском значении слова.

Если бы древнерусский социум остался существовать в пределах одной кросс-легитимной составляющей, то он не был бы в состоянии собрать себя как многонаправленный организм, который осуществляет свою жизнь во множестве частных измерений и согласует их в целостном, едином образовании. Родовые структуры стягивали бы его в положение гипер-семьи, не-структуры, аморфной множественности, связанной круговой порукой, хаоса соперничающих кланов, который очень скоро бы сделался добычей соседних народов и государств. С другой стороны, исключительное существование идеократических структур приводит к «перековыванию» общества в единый монастырь, да и вообще недолговечно и утопично. Упорядоченность в таком социуме носит характер перманентного экстремального осуществления «высшего», «нездешнего», «потустороннего», энергетической эскалации масс, наименьшее ослабление которого грозит распадом всему обществу.

Общей для этих двух интенций, родовой и трансцендентной, является их принадлежность к категории *ухода*, но уже не в отношении данного конкретного социума, где они как раз представляют бинарное противостояние, а в отношении социума вообще, как упорядоченного нормами закона. Номократия и идеократия в своём пределе, в своей претензии на самоизоляции представляют из себя модели, стремящиеся утвердить себя в виде структур до- и над- социального характера. Оппозиционная им категория *присутствия* выражается здесь в образовании легитимных форм, в тяготении масс к ним как к здоровой, стационарной системе общественного бытия,

предоставляющих отдельному человеку набор социальных и легитимных гарантий – соответственно уровню развития данного общества. С помощью этих форм человек возвращается в общество и *присутствует* в нём в качестве его активного субъекта.

Выводы. Таким образом, в своём анализе кардинальной роли УБОР мы поднялись от её существования в отдельных измерениях общественной жизни до понимания организации всего общественного бытия Древней и средневековой Руси как поля натяжения этих двух категорий. Открывая эту итоговую страницу в нашем исследовании, мы обозначили их в общей форме как *присутствие* и *уход*. В заключение, после череды их интерпретаций для различных разрезов древнерусского социокультурного бытия, мы вывели *универсальные координаты их конкретно-исторического существования*. Последнее из описанных выше противопоставлений представляет наиболее широкий охват в отношении социального и культурного существования народа Руси. Наивысший уровень их конкретного осуществления, их завершённость и целостность в *конкретном*, определяются как оппозиция легитимности и кросс-легитимности, выступающих в качестве главных форм практики и мышления для всех масштабных разрезов жизни древнерусского человека: от повседневно-бытового через социально-политический до религиозного.

Список литературы

1. Попович М.В. Мировоззрение древних славян. – К.: Наукова думка, 1985. – 168 с.
2. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Изд. гр. «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 376 с.
3. Рыбаков Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории. – М: Молодая гвардия, 1992. – 352 с.
4. Прошин Г. Второе крещение. С. 9-168 / Как была крещена Русь. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – 320 с.

5. Алексеев Ю.Г. Под знамёнами Москвы: Борьба за единство Руси. – М.: Мысль, 1992. – 268 с.
6. Повесть временных лет черноризца Феодосьева монастыря Печерского откуда есть пошла Руская земля <...> и хто в ней почаль первее княжити, и откуда Руская земля стала есть / Изборник. Сборник произведений древней Руси. – М.: Художественная литература, 1968. – 800 с. – (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 15).
7. Членов А.М. По следам Добрыни Предисл. Ф.П. Шевченко. – М.: Физкультура и спорт, 1986. – 287 с. – (Необыкновенные путешествия).
8. Слово Даниила Заточеника, еже написа своему князю Ярославу Володимировичю / Изборник. Сборник произведений древней Руси. – М.: Художественная литература, 1968. – 800 с. – (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 15).
9. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 395 с.
10. Хейвуд Дж. Люди Севера: История викингов, 793 – 1241 / Джон Хейвуд; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2020. – 412 с.
11. Погодин М.П. Очерки истории Руси до монголов / М.П. Погодин. – М.: Вече, 2020. – 528 с. – (Славянский мир).

Лустенко Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск. Член-корреспондент Российской академии естествознания, Почётный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный деятель науки и образования.

SPIN-код: 3570-9473

E-mail: aulustenko@yandex.ru

Lustenko A.Ju.

**UNIVERSAL BINARY OPPOSITION OF RUS (EXPERIENCE
OF USAGE THE PRINCIPLE OF BINARY FOR THE ANALYZE
OF MEDIAEVAL RUSSION SOCIETY)**

The article fulfills a trying to analyzing early and mediaeval history of Russian society in the context of dialectic of two tendencies, which defined the dynamics of sociocultural existence. Author names these tendencies by means of categories “presence” and “exodus”. Centrifugal and centripetal tendencies of historical existence, relation to center and periphery, moral value of administration – each of these processes in Russian civilization history have been defined with one of these categories: one after another. So, the binary character of Ancient Rus culture, and the acting in global scale spiritual-behavior identity author identifies as Universal binary opposition of Rus.

Keywords: social order, sociocultural, binary, lordship, archetype, center, periphery, social status, princes, boyars, marginality.

Lustenko Andrey Yurievich, a Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology and Social Technologies at the Lugansk State University named after Vladimir Dal, Lugansk. Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of Education in the Russian Federation, and Honored Scientist and Educator.

SPIN-code: 3570-9473

E-mail: aulustenko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

УДК 323.1:316.485.6

Макарова Е. И.

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВЗГЛЯД РЕАЛИСТОВ

Осуществлен анализ интерпретации этнического конфликта с точки зрения доминирующего в теории международных отношений реалистического подхода.

Рассматриваются взгляды специалистов, применяющих концепт «дилемма безопасности» для объяснения этнического насилия.

Ключевые слова: этнический конфликт, теория международных отношений, реализм, дилемма безопасности.

Актуальность. Одной из главных угроз безопасности современной международной системы являются вооруженные этнические конфликты, которые начали быстро распространяться в Европе, Азии и Африке после окончания «холодной войны». Сегодня конфликты, имеющие заметный этнический компонент, вызывают высокий уровень насилия не только на национальном уровне, но и в межгосударственных отношениях. Вместе с тем, специалисты в области международных отношений испытывают определенную нехватку теоретического осмысления взаимодействия этнического конфликта с международной средой, ведь длительное время ориентировались на исследование классических межгосударственных симметричных конфликтов. Кроме того, большинство специалистов по теории международных отношений рассматривали национализм скорее, как негативное явление. По мнению Дж. Снайдера, их интерес к нему объяснялся, прежде всего, тем, что националистические доктрины используются для

мотивации или оправдания широкомасштабного насилия, которое применяет одно государство или национальная группа в отношении других [1]. С такой точки зрения национализм тесно связывается с двумя мировыми войнами и поэтому рассматривается как зло, которое должно быть уничтожено.

Осознание недостаточности исследования этнического измерения международных отношений (или международного измерения этнического конфликта) повлекло появление, в последние два десятилетия, значительного количества работ, призванных компенсировать эту нехватку. Львиную долю этого комплекса литературы составляют исследования, объясняющие этнические конфликты с точки зрения доминирующей в теории международных отношений парадигмы реализма.

Анализ последних исследований и публикаций. Первые указания на необходимость исследования этнических конфликтов и их влияния на трансформацию международной системы встречаются уже в начале 1990-х гг. в трудах известных представителей реализма Б. Бузана [2] и Дж. Миршаймера [3; 4]. Впоследствии реалистический подход к объяснению этнического конфликта был развит в трудах Б. Позена [5], Б. Уолтер [6], Дж. Снайдера и Р. Джервиса [7], Р. де Фигуейредо и Б. Вейнгаста [8], Д. Лейка и Д. Ротшильда [9; 10], В. Роуза [12], которые в той или иной степени пытались перенести реалистические представления о межгосударственных отношениях на отношения между группами внутри государства. При этом определяющей чертой этих исследований стало широкое применение ключевого для реалистической традиции концепта «дилемма безопасности».

Цель исследования: выяснение путем анализа авторских концепций сторонников реализма в теории международных отношений, специфики реалистического понимания этнических

конфликтов, выявлении его преимуществ и ограничений в исследовании этнического насилия.

Объектом исследования: является этнический конфликт как феномен мировой политики и международных отношений.

Предметом исследования: выступает совокупность теоретических положений и концептуальных подходов политического реализма к анализу, интерпретации и урегулированию этнических конфликтов в современных международных отношениях.

Степень научной разработанности. Специфика реалистического понимания международных отношений (здесь речь идет лишь об общих положениях классического реализма, без учета специфики его более поздних вариаций), как известно, заключается в том, что они рассматриваются как имеющие анархический характер и представляют собой арену острого противоборства государств.

Итак, главными международными процессами являются межгосударственные конфликты и их крайняя форма – война. Анархический характер международных отношений способствует возникновению опасности или угрозы для государственных интересов. Поэтому в основе международной деятельности государств их стремление к увеличению власти и, соответственно, уменьшению власти других. На этой основе обеспечивается собственная безопасность. Но тут следует нерешенная «дилемма безопасности»: чем большей безопасности достигает одно из государств, тем меньше ее у других, ведь меры, принятые государством по сугубо защитным соображениям, в целях укрепления безопасности, рассматриваются другими как угроза их собственной безопасности и заставляют их, в свою очередь, принимать меры для ее укрепления.

Как уже отмечалось, первые указания на необходимость исследования влияния этнических конфликтов на трансформацию международной системы появились в начале 1990-х гг. в трудах Б. Бузана [2] и Дж. Миршаймера [3; 4]. В значительной степени этому способствовал активный пересмотр в конце 1980-х гг. содержания ключевого для реалистов концепта безопасности. Окончание «холодной войны» заставило исследователей перенести фокус с государства и военного измерения безопасности на индивидов, социальные группы и их потребности. Понятие безопасности было расширено за пределы традиционного реалистического понимания в двух направлениях:

1) смещение акцента с военного на другие аспекты – экономические, социетальные, политические и экологические;

2) принят во внимание круг вопросов, касающихся не только государства, но и народов, неправительственных секторов и международного сообщества [13].

Так, Б. Бузан выделил пять секторов безопасности человеческих коллективов, среди которых и социетальную безопасность (остальные четыре – военная, политическая, экономическая и экологическая), что касается устойчивости традиционных паттернов языка, культуры, религии, национальной идентичности и обычаев [2]. Идентичность здесь является ключевым понятием. Социетальная опасность, по мнению Б. Бузана и его коллег из так называемой Копенгагенской школы, возникает, когда сообщество чувствует, что ее идентичность находится под угрозой, то есть существует угроза ее выживанию как сообщества [14]. В свою очередь, идеолог так называемого «наступательного» реализма Дж. Миршаймер обратил внимание на то, что окончание «холодной войны» создало условия для полномасштабного развертывания этнических конфликтов, многие из которых ранее были минимизированы в условиях конфликта Востока и Запада. Этот

конфликт определял характер международной системы, в которой биполярность, примерное военное равновесие и наличие ядерного оружия обеспечивали мир [1]. Так, вспышка войны в Боснии в начале 1990-х была вызвана факторами, действие которых сдерживалось в период после окончания Второй мировой войны – претензии различных этнических групп (сербы, хорваты, боснийцы-мусульмане) на одну и ту же территорию. Исходным пунктом реалистического анализа, как уже отмечалось, является опасность и конфликт, вызванные ситуацией анархии, в которой государства и другие социальные группы должны подумать о собственной защите от возможных посягательств со стороны других. Реалисты пытаются применять положения своей теории для объяснения этнических конфликтов.

Так, Б. Позен приходит к выводу, что реализм и «дилемма безопасности» обеспечивают удобное объяснение конфликтов между группами, возникающих вследствие распада империй. Именно он в своей известной статье «The Security Dilemma and Ethnic Conflict» (1993) [5] впервые применил ключевой концепт реалистической традиции – «дилемма безопасности» (это понятие ввел в 1950 г. немецкий исследователь Дж. Герц [15], а современного понимания оно приобрело в трудах Р. Джервиса [16]) для объяснения этнических конфликтов, в частности на территории бывших СССР и Югославии. Он стремится выявить факторы, порождающие острую дилемму безопасности, когда разрушение имперского порядка провоцирует насилие. Исследователь, в частности, ставит вопрос о том, что происходит, когда суверенное государство (СССР или Югославия) перестает существовать, а этнические группы вдруг становятся ответственными за собственную безопасность, которую ранее это государство обеспечивало.

Б. Позен фокусирует внимание на том, как присущая международным отношениям анархия, делающая обеспечение безопасности важнейшей задачей государств, сказывается на безопасности этнических групп внутри государств. Когда государство разрушается, группы испытывают беспокойство относительно собственной безопасности и выживания. Как результат, они рассматривают другие группы как угрозу, принимая во внимание, прежде всего, их военные возможности. «Группа вынуждена обеспечивать собственную защиту, должна задать несколько вопросов относительно любой соседней группы: является ли она угрозой? Насколько велика эта угроза? Будет ли угроза увеличиваться или уменьшаться со временем? Есть ли что-то, что нужно сделать немедленно? Ответы на эти вопросы существенным образом влияют на вероятность войны» [5]. Таким образом, дилемма безопасности в международной системе имеет значение и для этнических групп.

Именно сквозь призму такого подхода Б. Позен рассматривает взаимоотношения сербов и хорватов в Югославии. Они помнили печальную историю отношений во время Второй мировой войны, должны были обученных воевать мужчин и доступ к оружию. Обе группы чувствовали, что нападение обеспечит преимущество, и поэтому следует действовать на опережение, чтобы защитить своих соплеменников в других республиках. Так, сербы, обитавшие в Хорватии, испытывали собственную уязвимость, и сербы в Сербии имели лишь один способ защитить их - быстрое мощное наступление. Еще один фактор, влиявший на дилемму безопасности, это неравенство сил между имевшими разный объем экономических и демографических ресурсов и круг внешних акторов, которые могли стать потенциальными союзниками. В частности, хорваты имели лучшие возможности для поиска союзников как среди других югославских республик, так и среди других стран [5].

Б. Позен также затрагивает вопрос о роли внешних игроков в этническом конфликте. Отмечается, что в международной системе, в которой государства действуют по правилу «помоги себе сам», для внешних акторов как государств, так и международных институтов вмешательство в этнические конфликты является сложным делом. Они изредка имеют приоритетные, материальные или связанные с безопасностью, интересы в региональных спорах. А неясные гуманитарные обязательства не гарантируют чувство безопасности уязвимым группам и не остановят тех, кто им угрожает. Однако в отдельных случаях, такие обязательства могут иметь вес, если конфликт влияет на безопасность влиятельных внешних акторов [5]. В некоторых случаях внешние актеры могут угрожать бездействием, что может сдерживать некоторые агрессивные формы поведения участников конфликта. Например, они могут довести до сведения нового государства, что если оно будет дискриминировать меньшинство, а затем втянется в войну с ним и его союзниками, то оно не получит поддержки извне в случае поражения. В других случаях может иметь смысл предоставление враждующим группам материальных ресурсов, в том числе и вооружения, чтобы они могли защитить себя. Однако исследователь отмечает, что для либеральных демократических государств, которые стали доминировать на мировой арене, предоставление такой помощи, даже по гуманитарным соображениям, является политически сложным делом. К тому же, трудно определить тип и объемы помощи, чтобы она обеспечила именно защиту, а не усилила наступательные возможности. Вместе с тем Б. Позен признает, что сама угроза оказания помощи одной из враждующих сторон, может обеспечить существенный дипломатический успех [5].

Следует отметить, что большинство авторов, использующих указанный подход, вполне сознательно того, что, хотя и дилемма безопасности объясняет враждебность групп по отношению друг к

другу, она еще не объясняет их решение прибегнуть к насилию. Так, Б. Уолтер предлагает при объяснении причин этнических конфликтов обращать внимание не на декларируемые враждующими сторонами цели, а на более общие, связанные с «окружающей средой» факторы («environmental factors»). Внутренние войны могут стать следствием не только сознательных, заранее обдуманных, действий групп (стремление контроля над правительством, территорией или революционных изменений), но и неопределенности и страха, порожденными внезапными изменениями в «окружающей среде», которые вызывают обеспокоенность групп за свое будущее [6]. То есть следует выяснить в какой мере поведение групп в конфликте, в частности лидеров, принимающих решения, является следствием сугубо агрессивных захватнических намерений, а в каком – влиянием стратегического окружения, в котором группы находятся. Такой подход также позволит, по мнению Б. Уолтер, объяснить, некоторые, на первый взгляд, «иррациональные» самоубийственные действия участников конфликта: отказ от переговоров, продолжение кровавых и безрезультатных войн, которые на самом деле могут быть вызваны структурными ограничениями «рационального» выбора. Наконец, учет структурной опасности позволит определить оптимальную стратегию для удачного внешнего вмешательства. Внешним актерам трудно изменить цели и принципы враждующих групп, однако решить дилемму безопасности они вполне способны [6].

Уолтер выделяет пять структурных факторов, порождающих дилемму безопасности и заставляющих группы прибегать к насилию, даже если они не имеют агрессивных хищнических целей:

1) падение или ослабление центрального правительства, которое ранее вводило правила и разрешало споры (бывшие СССР и Югославия);

2) географическая изоляция или уязвимость меньшинства, затрудняющие ее самозащиту, которые могут стать следствием либо внезапных территориальных изменений (сербы в Боснии и Хорватии), либо предварительных мирных соглашений, оставляющих группы географически перемешанными в пределах одной страны (Судан);

3) изменение политического баланса сил в пользу одной из групп за счет другой (Ливан, Руанда, Заир);

4 перераспределение ресурсов, вследствие политики экономии, разрушения государства или связанных с экономической либерализацией реформ (бывшие СССР и Югославия);

5) принудительное или добровольное разоружение после заключения мирного соглашения, что обуславливает уменьшение возможностей для самозащиты на случай внезапного нарушения условий соглашения (проблема доверия) [6].

К этим факторам можно добавить также изменения в международном окружении, в частности изменение внешних (иностранных) патронов враждующих сторон, или изменения в балансе сил между внешними патронами, что влечет за собой факторы 3, 4, указанные выше (борьба курдов в Ираке, которая часто становилась инструментом дестабилизации иракского режима со стороны внешних игроков). Однако Б. Уолтер вполне осознает, что, хотя указанные факторы и объясняют враждебность групп по отношению друг к другу, они не объясняют их решения прибегнуть к насилию. По ее мнению, это «заслуга» элит и лидеров, которые, ради реализации своих хищнических (стремления к господству и эксплуатации) целей, манипулируют информацией, изображая оппонентов более враждебными, чем они есть на самом деле [6]. К такой манипуляции с целью мобилизации поддержки прибегали, в частности, режимы в Сербии и Руанде. Дж. Снайдер и Р. Джервис считают, что дилемма безопасности имеет место, когда

географические, технологические или иные стратегические условия делают агрессию наиболее привлекательной формой самозащиты [7]. Обычно государства действуют как буферы, сдерживающие внутреннюю анархию. Большая уязвимость индивидов по сравнению с государствами обуславливает тот факт, что дилемма безопасности на индивидуальном и групповом уровне является более острой, чем на межгосударственном (своеобразное «естественное состояние» Гоббса). Опасения относительно безопасности часто переплетаются с чисто хищническими целями, ведь захваченные ресурсы могут пригодиться в борьбе с угрозами. Итак, дилемма безопасности порождает захватчиков, а захватнические действия, в свою очередь, усиливают дилемму безопасности, ведь агрессия приводит к враждебности и сопротивлению.

Страх за будущее является критическим: имеющиеся добрые намерения не гарантируют преодоления дилеммы безопасности, особенно когда имеются исторические прецеденты изменения сотрудничества конфликтом. При этом ожидаемое поведение оппонента определяет собственное поведение (ожидание нападения усиливает вероятность попытки ударить первым), а историческая память используется для представления агрессии как наиболее вероятной, а не просто теоретически возможной, изображая другого как исторического врага.

Как и Б. Вольтер, Дж. Снайдер и Р. Джервис также указывают на определённую ограниченность объяснительных возможностей дилеммы безопасности. Ведь тот факт, что опасения относительно безопасности очень часто переплетаются с агрессивными целями, приводит к возникновению целого спектра конфликтных ситуаций: от чистой дилеммы безопасности (когда все актеры склонны положить конец анархии, если имеются эффективные гарантии безопасности) до чистого стремления к господству и эксплуатации

(когда некоторые актеры отрицают сохранение status quo и прекращение анархии). Чем дальше рассматриваемая ситуация от идеального типа, тем меньше объяснительная способность дилеммы безопасности [7].

В свою очередь, Р. де Фигуэйредо и Б. Вейнгагст [8] объясняют этническое насилие взаимодействием трех факторов: 1) лидеры, слабо контролируемые властью и поэтому прибегающие к рискованной игре (конфликту) с целью политического возрождения; 2) опасения граждан за выживание своей группы, которое заставляет их поддержать претензии таких лидеров; 3) неуверенность в отношении истинных намерений оппонентов. При этом для националистически настроенных лидеров важно убедить своих сограждан во враждебных намерениях оппонентов и тем усилить их опасения. Ключевую роль здесь играет контроль над СМИ и «подтверждение», путем соответствующих действий, со стороны самих оппонентов. В качестве примера приводятся действия С. Милошевича, которому удавалось удерживать власть в Сербии, убедив сербов во враждебных намерениях хорватов. При этом это убеждение «подкреплялось» ответными действиями самой Хорватии, в свою очередь спровоцированными С. Милошевичем [8].

Коллективный страх за будущее считают причиной этнического конфликта также Д. Лейк и Д. Ротшильд: «Как только группы начинают опасаться за свою физическую безопасность встают опасные и трудно решаемые дилеммы, содержащие в себе потенциал для огромного насилия» [9]. Ситуация анархии и насилия является результатом стратегических интеракций между и внутри групп. В отношениях между группами три стратегические дилеммы могут вызвать вспышку насилия: 1) искажение информации; 2) проблема доверия; 3) дилемма безопасности. Внутри же групп радикальные политические деятели мобилизуют их членов, поляризуют общество и усиливают указанные дилеммы. При этом

определенную роль играют «нерациональные» факторы, такие как эмоции, историческая память и мифы. Следует отметить, что представление об этих стратегических дилеммах, которые являются главными причинами этнического конфликта, было в значительной степени, заимствовано у Дж. Фирона [17], который с их помощью объясняет причины войны между организованными группами.

Выводы. Итак, подводя итоги, можно отметить, что реалисты склонны рассматривать этнический конфликт сквозь призму ключевого для них понятия «безопасность», проблема которой возникает в ситуации анархии, вследствие упадка или краха государственных институтов. «Безопасность», в свою очередь, видится как своеобразная «игра с нулевой суммой», в которой превентивный удар может обеспечить стратегическое преимущество одной из сторон. Признавая, с одной стороны, значительные познавательные возможности реалистического подхода, с другой следует указать и на его определенную ограниченность, что требует учета многих факторов, которые приводят к этническому насилию. То есть, следует учитывать, что дилемма безопасности сама по себе может быть не источником конфликта, а лишь симптомом других социальных процессов, стимулирующих враждебность групп друг к другу.

Список литературы

1. Snyder J. The New Nationalism: Realist Interpretations and Beyond / Jack Snyder // Richard Rosecrance and Arthur Stein (Eds.) The Domestic Sources of Grand Strategy. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1993. – Pp. 179–200.
2. Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era / Barry Buzan. – London: Harvester Wheatsheaf, 1991. – 393 p.
3. Mearsheimer J. Back to the Future: Instability in Europe After the Cold War / John J. Mearsheimer // International Security. – Summer 1990. – Vol. 15, № 4. – Pp. 5–56.

4. Mearsheimer J. Disorder Restored / John J. Mearsheimer // Graham Allison, Gregory Treverton (Eds.) *Rethinking America's Security: Beyond Cold War to New World Order*. – New York: Norton, 1992. – Pp. 213–237.
5. Posen B. R. The Security Dilemma and Ethnic Conflict / Barry R. Posen // *Survival*. – Spring 1993. – Vol. 35, № 1. – Pp. 27–47.
6. Walter B. F. Introduction / Barbara F. Walter // Barbara F. Walter, Jack Snyder (Eds.) *Civil Wars, Insecurity, and Intervention*. – New York: Columbia University Press, 1999. – Pp. 1–14.
7. Snyder J. Civil War and the Security Dilemma / Jack Snyder, Robert Jervis // Barbara F. Walter, Jack Snyder (Eds.) *Civil Wars, Insecurity, and Intervention*. – New York: Columbia University Press, 1999. – Pp. 15–37.
8. De Figueiredo R. The Rationality of Fear: Political Opportunism and Ethnic Conflict / Rui de Figueiredo, Barry Weingast // Barbara F. Walter, Jack Snyder (Eds.) *Civil Wars, Insecurity, and Intervention*. – New York: Columbia University Press, 1999. – Pp. 261–302.
9. Баранов Н. «Этнические и межнациональные конфликты» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.nicbar.ru/politology/study/kurs-mezhdunarodnye-konflikty-v-xxi-veke/tema-5-etnicheskie-i-mezhnatsionalnye-konflikty>
10. Гаврилова, А. С. Этнополитический конфликт как феномен международного взаимодействия: теоретические основы этнических столкновений / А. С. Гаврилова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 25 (472). – С. 265-270. – URL: <https://moluch.ru/archive/472/104435>.
11. Мазур О. Медиативные практики в политической сфере: институциональный аспект / Оксана Мазур // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки – Тула : Издательство ТулГУ, 2023. - Выпуск 3. – С. 3-15.
12. Rose W. The Security Dilemma and Ethnic Conflict: Some New Hypotheses / William Rose // *Security Studies*. – 2000. – Vol. 9, № 4. – Pp. 1–51.
13. Saleh A. Broadening the Concept of Security: Identity and Societal Security / Alam Saleh // *Geopolitics Quarterly*. – Winter 2010. – Vol. 6, № 4. – Pp. 228–241.
14. Buzan B. Security, A New Framework For Analysis / Barry Buzan, Ole Weaver, J. De Wilde. – London: Lynne Rienner Publisher, 1998. – 239 p.
15. Herz J. Idealist Internationalism and the Security Dilemma / John Herz // *World Politics*. – 1950. – Vol. 2, № 2. – Pp. 157–180.

16. Jervis R. Cooperation Under the Security Dilemma / Robert Jervis // World Politics. – 1978. – Vol. 30, No.2. – Pp. 167–214.

17. Fearon J. D. Rationalist explanations for war / James D. Fearon // International Organization. – 1995. – Vol. 49, № 3. – Pp. 379–414.

Макарова Елена Ивановна, к.экон.н., доцент, заведующая кафедрой государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 9387-6823

E-mail: 32oklena@rambler.ru

Makarova E.I.

**ETHNIC CONFLICT IN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY:
A REALIST PERSPECTIVE**

The analysis of ethnic conflict interpretation from the realistic point of view dominating in the theory of international relations is carried out. The different views of specialists applying a concept «security dilemma» for explanation the ethnic violence are examined.

Keywords: ethnic conflict, theory of international relations, realism, security dilemma.

Makarova Elena Ivanovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Public Administration of the Lugansk State University named after V. Dahl.

SPIN-code: 9387-6823

E-mail: 32oklena@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 02.03.2026 г.

УДК 32.019.51

Проскурина Е. А.

**НЕДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКИМ
ИНСТИТУТАМ: ЭХО ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН?**

Недоверие к власти и политическим институтам в современном мире становится все более распространенным явлением. С точки зрения политической культуры политическое недоверие является обязательным условием функционирования демократической системы. Недоверие населения по отношению к власти представляет собой здоровое явление, благодаря которому происходит совершенствование демократических институтов. В то же самое время политическое недоверие как самостоятельный феномен является выражением того, что граждане считают власть ненадежной: некомпетентной, неэтичной и действующей вразрез с интересами общества. Распространение политического недоверия не только на персоналии, но и на саму систему власти может привести к дискредитации демократических институтов.

Ключевые слова: демократия, управление, власть, население, недоверие, политическая культура.

Актуальность проблемы. Доверие – это историческая, социально-психологическая и экономическая категория, характеризующаяся высокой нравственностью, ответственностью и профессионализмом, способствующая формированию эффективных взаимоотношений между различными экономическими и политическими субъектами, основанными на балансе интересов.

Важно отметить, что доверие в политике имеет ряд особенностей и отличий по сравнению с определениями этого понятия в других сферах. Так, например, в социологии и психологии

доверие представляет собой уверенность в действиях другого человека, в его порядочности и доброжелательности. Доверие в экономике играет колоссальную роль. Без этой категории можно говорить об отсутствии инвестиций, об увеличении транзакционных издержек и, в конечном счете, о спаде экономического роста. В любом бизнесе присутствует риск, поэтому доверие здесь выступает важным и необходимым элементом. Доверием мы будем понимать оценку соотношения ожиданий тех или иных действий(решений) группы людей(власти) с их реальными действиями. При этом необходимо выделить две составляющие доверия: объективную (рациональную) и эмоциональную. К рациональной относится реальная способность и возможность совершить то или иное ожидаемое действие, а к эмоциональной – оценка доброжелательности этих действий (решений).

Доверие к власти в социологии управления называют феноменом институционального доверия, в котором концентрируются элементы взаимодействия власти и населения, а уровень доверия к власти является первым показателем оценки эффективности деятельности высших должностных лиц органов исполнительной власти

В настоящее время впервые после 2022 года наблюдается тенденция к снижению доверия российского населения по отношению к властям. Так, рейтинг одобрения деятельности президента Российской Федерации Владимира Путина демонстрирует падение. Если по данным опросов августа 2025 г. Владимира Путина одобряли 78,4%, то по данным апрельских исследований доля одобряющих деятельность президента составила уже 65,6%, снизившись на 12,8 процентных пункта [1].

Причинами снижения оценки действий власти по данным ВЦИОМ стали продолжительное повышение цен, отсутствие

актуальных мер по выходу из кризисной ситуации, фактическое пренебрежение мнением граждан и т. д.

Недоверие граждан к политическим институтам, политикам, а зачастую и ко всей политической системе в целом проявляется не только в Российской Федерации, но и в развитых государствах с устоявшимися системами управления, имеющих давний исторический опыт демократии и народовластия. Иллюстрацией такого феномена является проявление «протестного» голосования. Таким было решение британских избирателей выйти из Европейского союза, повторное избрание Дональда Трампа президентом США. Французские, нидерландские, германские популистские партии показывают рост числа своих сторонников. Настрой граждан по отношению к политике и политикам отличается преобладанием негатива и скепсиса. Исследования общественного мнения во многих странах показывают недовольство населения политиками и государственными институтами, недоверие по отношению к политическим системам.

Предстоящие выборы в Государственную думу, которые должны состояться в сентябре 2026 года, многие представители российской политической элиты, включая самого Владимира Путина, откровенно называют «непростыми» [2]. Эти обстоятельства обусловили актуальность исследования политического недоверия, его последствий, природы, значения и функций.

Цель исследования. Классифицировать природу и верифицировать детерминанты недоверия к власти и политическим институтам.

Объект исследования. Доверие/недоверие к власти и политическим институтам как социально-политический феномен.

Предмет исследования. Природа и детерминанты недоверия к власти и политическим институтам.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования послужили публикации по вопросам феномена политического недоверия граждан. Метод исследования – сравнение различных концепций политического недоверия.

Степень научной разработанности проблемы. Исследования, посвященные политическому поведению граждан, фокусируются в первую очередь на политическом доверии. Концепции, аналитические подходы и эмпирические показатели нацелены на изучение доверия граждан к государству и правительству, поддержки политической системы.

Среди отечественных экспертов проблемы политического недоверия изучали Т. Е. Зерчанинова, Н. А. Фамиев [3], В.А. Михеев [4], О.Б. Негодаева [5], А.В. Оболонский [6], среди зарубежных исследователей феномен политического недоверия рассматривали такие авторы, как П. Ленард [7], Дж. Бруно [8], С. Интаван и С. Николсон [9], В. Дженнингс и Г. Стокер [10], Н. Кларк и др. [11].

Подходы к политическому недоверию в исследованиях неоднозначны. Есть ряд концепций политического недоверия граждан, рассматривающих его с точки зрения воздействия на демократию. Теория системной поддержки и политической культуры предполагает, что политическое недоверие является угрозой для демократии. Либеральная политическая теория считает, что политическое недоверие – это приветствуемая и необходимая позиция ответственного гражданина для обеспечения выживания демократического устройства общества [12].

Политическое недоверие редко рассматривается как самостоятельный феномен, большинство авторов трактует его исключительно как отсутствие доверия.

Авторы указывают на значение, функции и преимущества политического доверия, но исследований последствий политического недоверия существенно меньше.

Д. Истон, автор концепции «систем политической жизни» (1965), создал теоретическую основу для большинства современных исследований в области доверия/ недоверия. В соответствии с этой концепцией, доверие является частью поддержки системы, необходимой для уравнивания требований граждан [13].

В либеральной политической теории, напротив, недоверие к политикам и чиновникам расценивается как часть общей политической культуры, необходимое условие развития демократического государства. Недоверие, в соответствии с данной концепцией, не несет какой-либо моральный подтекст. Оно не может иметь характеристики «враждебности», «потенциального ущерба» или «угрозы демократии» (Леви, 1997) [14].

Существует также понятие обоснованного недоверия, когда граждане не доверяют властям по уважительным причинам.

Рассмотрение недоверия как необходимого средства для поддержания демократии восходит к либерально-демократической традиции (А. Токвиль, Дж. Мэдисон, Д. Юм, И. Бентам). Население должно подозревать власть в недобросовестности и быть бдительным по отношению к институтам и людям. Это важно, поскольку институты и люди не идеальны, а власть дает огромные возможности и может быть использована для удовлетворения интересов, отличных от интересов общества, а иногда и прямо противоположных этим интересам (Леви, 1997) [15].

Полномочия власти опасны тем, что человек по своей природе эгоистичен, и неизбежным следствием этого является склонность к коррумпированности. При наличии таких возможностей, которые дает власть, должностные лица могут начать злоупотреблять своим положением. Поэтому априорное подозрение власти в недобросовестности не просто необходимо, но по сути представляет собой ключевой аспект в институциональной структуре демократического государства.

Таким образом, налицо парадокс, заключающийся в необходимости как доверия, так и недоверия к демократическому управлению (Бруно, 2017) [16].

Демократические системы институционализируют недоверие и управляют им с помощью вышеупомянутых институциональных механизмов в соответствии с классической теорией (Уоррен, 2017) [17]. Однако после того, как институты созданы, для функционирования системы необходимо политическое доверие.

Результаты исследования. «Либеральное недоверие» мотивируется необходимостью проявлять бдительность, его вклад в демократию заключается в демонстрации институциональных и организационных требований, которые в конечном итоге предохраняют от ненадежных политиков. Его цель как раз и состоит в том, чтобы избежать формирования такого уровня недоверия граждан, которое препятствовало бы эффективному управлению и достижению сотрудничества и коллективных благ в обществе.

Недоверие к правительству и ко всей политической системе в целом возникает при отсутствии или неисправности демократических механизмов контроля. Это работает одинаково во всех организациях и учреждениях, включая даже фирмы. Учитывая дисбаланс власти между государством и его гражданами, именно наличие и эффективность системы сдержек и противовесов позволяет гражданам доверять своему правительству, своим государственным должностным лицам, своим институтам и политическим процессам в современных государствах, позволяющим населению вести спокойную повседневную жизнь.

Если граждане выражают недоверие после введения в действие этих институциональных механизмов, это может означать следующее:

Люди, входящие в состав правительства, и результаты, достигнутые политической системой, воспринимаются как не заслуживающие доверия;

Сами институциональные механизмы сдержек и противовесов подвергаются сомнению, воспринимаются как неадекватные и работающие со сбоями.

Недоверие как политическая культура является обратной стороной культуры доверия, оно выражает все негативные характеристики, проявляющиеся в результате отсутствия доверия.

Таким образом, приводя аргументы в пользу совместимости и необходимости как доверия, так и недоверия в сфере политики, исследователи рассматривают разные требования к демократическому обществу. Потребность в бдительности (либеральном недоверии) приводит к разработке и включению мер предосторожности. Потребность в политической доверии приводит к эффективному управлению и стабильности системы.

Леви утверждает: ни доверию, ни недоверию не присуща моральная ценность, поскольку, когда они оправданы, и доверие, и недоверие благотворны [18].

Длительное игнорирование недоверия в конечном итоге дестабилизирует демократическую систему, которая для эффективного функционирования требует доброй воли и сотрудничества граждан.

Цель не в том, чтобы доказать, что политическое недоверие само по себе пагубно или что его необходимо подавлять. Напротив, его наличие отражает реальные и/или предполагаемые недостатки в организации, функционировании и результатах деятельности политической системы. Более того, поскольку доверие и недоверие являются циклическими и самоподдерживающимися, недоверие может создать порочный круг (Штомпка, 1999) [19].

Эри Бертсоу, профессор политологии Университета Санкт-Галлена, Швейцария, рассматривает политическое недоверие как самостоятельный феномен. По его мнению, недоверие политикам отражает восприятие ненадежности, характерное для политической системы в целом или ее компонентов [20].

Ненадежность относится к оцениваемым характеристикам политических агентов, правительства или политической системы. Для формирования недоверия важно то, как граждане воспринимают политику. Восприятие ненадежности может быть основано на трех основных типах оценок:

1. Техническая и управленческая некомпетентность;
2. Поведение, нарушающее общепринятые представления о правильном и моральном;
3. Поведение, которое является не соответствующим интересам граждан [21].

Во-первых, восприятие ненадежности отражает суждения о технической некомпетентности. Когда гражданин принимает решение не доверять своему правительству, это может быть вызвано негативной оценкой способности власти к выполнению задач. Граждане воспринимают политику и государственные должности как должности, требующие определенных навыков, технических знаний, компетенций и навыков. Некомпетентность в этой области оказывает отрицательное влияние на политическое сообщество.

Граждане признают, что правительства, государственные субъекты и институты имеют значение. Понимание неспособности политических деятелей и институтов действовать в соответствии с потребностями населения приводит к тому, что граждане отказывают в доверии такому неумелому правительству.

Технический оценочный компонент недоверия должен быть дополнен этическим. Отношение недоверия является выражением веры в то, что есть что-то в корне неправильное, несправедливое и

неэтичное в процессах, поведении и/или результатах, обеспечиваемых политической системой.

Государственные деятели и политические функции считаются ненадежными, если они не соответствуют общественным нормам того, что является «правильным», «справедливым», представляет собой «благо». Именно из-за асимметрии власти между правительством и населением политические функции связаны с четким набором общих нормативных ценностей. Эти моральные нормы выходят за рамки предпочтений любого отдельного человека; они являются «объективными» или, по крайней мере, общепринятыми для всего политического сообщества.

Недоверие граждан предъявляет серьезные моральные требования и подчеркивает нарушение таких общих нормативных ценностей. Например, если в стране увеличивается количество миллиардеров, растут суммарные состояния богатейших семей, а власть тем временем предлагает гражданам «затянуть пояса» ради каких-то политических целей, такое поведение власти воспринимается как безнравственное и неэтичное и вызывает моральное осуждение.

Третий оценочный компонент ненадежности отражает восприятие несоответствия интересов гражданина и политической системы или ее агентов. Примером может служить недоверие к правительству, систематически дискриминирующему определенную группу, к которой принадлежит гражданин.

Ярким примером может служить текущая политика российской власти, направленная на сокращение репродуктивных прав женщин. Под предлогом необходимости повышения рождаемости власти ведут планомерное наступление на право женщины на прерывание беременности. Государство в союзе с церковью развернуло беспрецедентную агитационную кампанию против права на женщин на аборт, сопровождающуюся оскорбительными и

дискриминирующими женщин высказываниями священнослужителей и пропагандистов [22]. Кроме того, во многих регионах Российской Федерации женщинам уже невозможно осуществить прерывание беременности ни в государственных, ни в частных учреждениях здравоохранения. Естественно, что женщины, чьи права нарушены, теряют доверие к государственной власти и начинают воспринимать ее как враждебный институт.

Результатом такой внутренней политики стали выступления известных женщин – лидеров общественного мнения, которые в резкой форме выражают политическое недоверие.

Несоответствие интересов также может ощущаться между гражданами и всем политическим классом или системой в целом. Например, население может оценивать весь политический истеблишмент как группу людей, полностью оторванную от жизненных проблем и интересов простых граждан.

Изображение политической элиты как полностью коррумпированной и занятой исключительно собственным обогащением является, безусловно, популистским приемом. Нельзя безапелляционно утверждать, что интересы элиты резко противоречат интересам простых граждан. Тем не менее, такая риторика имеет некоторые основания и падает на подготовленную почву, поскольку многие граждане на собственном опыте узнают, что их личные интересы отнюдь не соответствуют интересам государственных чиновников.

Таким образом, политическое недоверие формируется тогда, когда власть воспринимается как некомпетентная, неэтичная и действующая против интересов народа (рис. 1).

Схема ненадежности демонстрирует частичное пересечение оценок ненадежности. Это не разные типы политического недоверия, но различные аспекты недоверчивого отношения. Эти

аспекты основаны на различных суждениях, но объединены воедино и частично накладываются друг на друга.

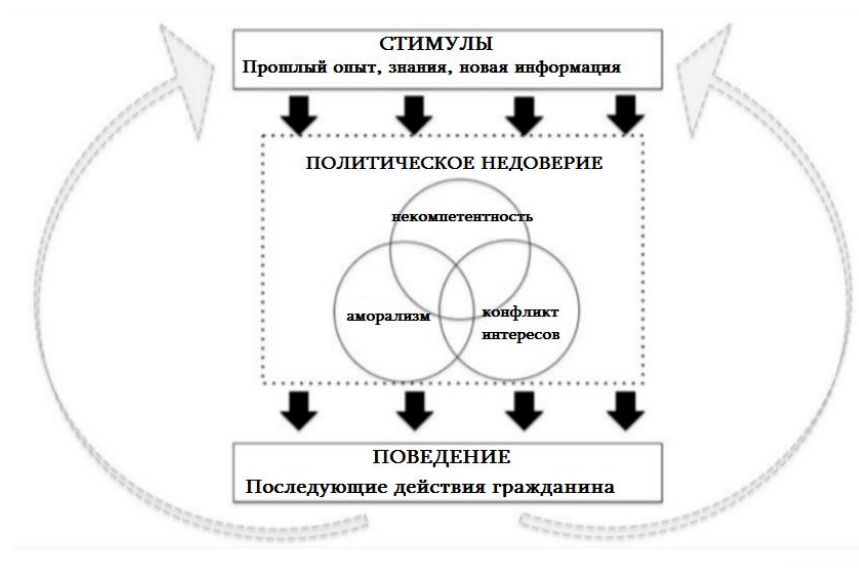

Рис. 1. Модель политического недоверия

Восприятие ненадежности неизменно сводится к одному из этих трех факторов или их комбинации оценки. Чаще всего граждане, которые не доверяют своему правительству из-за несовпадающих интересов, также воспринимают это правительство как неэтичное и технически некомпетентное.

Коррупция, воровство, nepotизм – признаки ненадежных политических деятелей и институтов, которым не доверяет население. Подобные деятели не только нарушают нравственные нормы, но и являются неэффективными руководителями, и нарушают права граждан.

В случае, когда оценки по этим показателям разнонаправленные, сами граждане обобщают информацию и объединяют оценки в окончательное суждение. «Удельный вес» компонентов зависит от контекста: если общество чрезмерно стратифицировано, и между беднейшими и богатейшими существует пропасть, то на первый план выходит противоречие интересов. Если же в обществе разворачиваются политические скандалы, то на первый план входит моральная оценка.

Если население последовательно не доверяет представителям власти, то и сам процесс выборов будет рассматриваться им в качестве ненадежного. Если, по мнению граждан, «власти всегда обманывают», то не помогут и выборы – власти, имея административный ресурс, все равно достигнут нужного им результата. Политическое недоверие опасно тем, что создает самоподдерживающийся цикл, представленный на рис. 1. Противопоставить этому явлению можно только высокую компетентность власти и полную прозрачность политического процесса. Открытость политиков для общения с населением, сменяемость власти, возможность критики, доступность информации о целях, реализации и результатах политических решений, постоянная коммуникация власти с гражданским обществом, взаимодействие граждан и политиков в осуществлении политических задач – только такой комплексный подход позволяет снизить уровень политического недоверия и разорвать негативный цикл его воспроизводства.

На данном этапе развития нашей страны можно выделить следующие пути повышения доверия населения к власти:

Стабилизация правового регулирования социально-экономических процессов в обществе.

Работа над таким явлением, как «открытость деятельности властей».

Решение «кадрового вопроса», работа над повышением доверия к конкретным политикам и лицам, замещающим государственные должности.

Также для повышения доверия населения, на наш взгляд, необходимо применить опыт корпоративного управления из бизнес-среды, где управление подразумевает не осуществление властных полномочий, а действия, направленные на развитие сотрудниками собственных умений и способностей, проявление о них заботы, создание условий для направления их энергии для достижения общей цели. В рамках государственного управления общая цель органов власти и граждан страны — социально-политическое и экономическое развития всех сфер жизни общества и государства в целом.

Вывод. Таким образом, норма демократических стран сегодня — определенный уровень политического недоверия со стороны населения, и в этом смысле оно является частью демократической политической культуры. То, что является нормой в устоявшихся демократических странах, может быть опасно для стран, имеющих проблемы с демократией и народовластием, поскольку недоверие к конкретным представителям власти приводит к скептицизму по отношению к демократическим процедурам в целом.

Недоверие как отдельный феномен включает в себя три оценочных суждения, мотивирующих граждан к восприятию власти как ненадежной: некомпетентность, неэтичность и несоблюдение интересов населения. Важно, чтобы руководители были не только компетентными, но и морально безупречными людьми, для которых интересы граждан стоят на первом месте. Знания и навыки, моральный облик правителей, принимаемые ими в интересах народа эффективные политические решения — это единственные действенные средства в борьбе с недоверием. Недоверие, вызванное неэффективными решениями, неэтичными практиками и

несправедливостью в соблюдении интересов, может быть преодолено. Для этого власти необходимо повышение компетентности, справедливое соблюдение интересов всех социальных групп, совершенствование механизмов ограничения злоупотреблений и постоянная коммуникация с обществом.

Список литературы

1. Показатель одобрения деятельности Президента с 13 по 19 апреля 2026 г. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-prezidenta-pravitelstva-i-politicheskikh-partii-24042026>
2. Путин заявил, что выборы в Госдуму пройдут в непростых условиях. RBC. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/04/2026/69e76bee9a7947f0ea01b741>
3. Зерчанинова Т. Е., Фамиев Н. А. Население и представительная власть: дилемма доверия - недоверия // Социология власти. 2006. №5. С. 79-84.
4. Михеев В.А. Власть и гражданские институты: к проблеме доверия и недоверия // Власть. 2017. №5. С.162-170.
5. Негодаева О.Б. Возрастание недоверия к элите в российском обществе // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2012/07/1534> (дата обращения: 04.04.2026).
6. Оболонский А. В. Гражданское недоверие к власти как предпосылка политического развития. Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2013. № 3. С. 34–44.
7. Lenard P.T. (2015), 'The political philosophy of trust and distrust in democracies and beyond', The Monist 98(4): 353–359.
8. Bruno J.R. (2017), 'Vigilance and confidence: Jeremy Bentham, publicity and the dialectic of political trust and distrust', American Political Science Review 111(2): 295–307
9. Intawan C. and S.P. Nicholson (2018), 'My trust in government is implicit: automatic trust in government and system support', Journal of Politics 80(2): 601–613

10. Jennings W. and G. Stoker (2015), The impact of anti-politics on the general election 2015. University of Southampton. URL: <https://antipolitics.soton.ac.uk/events/the-impact-of-anti-politics-on-the-uk-general-election-2015-19-january-2015-7-millbank-london/>
11. Clarke N., Jennings W., Moss J. and Stoker G. (2018), The Good Politician. Cambridge: Cambridge University Press. URL: https://assets.cambridge.org/97813165/16218/frontmatter/9781316516218_frontmatter.pdf
12. Bertsou E. Rethinking political distrust. European Political Science Review (2019), 11, 213–230
13. Easton D. (1965), A Systems Analysis of Political Life. New York, NY: Wiley. 540 p.
14. Levi M. (1997), ‘A state of trust’, Unpublished paper, University of Washington. URL: <http://www.colbud.hu/honesty-trust/levi/pub01.PDF>
15. Там же.
16. Bruno J.R. (2017). Vigilance and confidence: Jeremny Bentham, publicity and the dialectic of political trust and distrust. American Political Science Review 111(2): 295–307
17. Warren M.E. (2017), Trust and democracy, in E.M. Uslaner (ed.), The Oxford Handbook of Social and Political Trust, Oxford, UK: Oxford University Press, pp. 75–94
18. Levi M. (1997). A state of trust. Unpublished paper, University of Washington. Available from: <http://www.colbud.hu/honesty-trust/levi/pub01.PDF>
19. Sztompka P. (1999). Trust: A Sociological Theory. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
20. Bertsou E. Rethinking political distrust. European Political Science Review (2019), 11, 213–230
21. Там же.
22. Глава комитета Госдумы по защите семьи Нина Останина призвала Русскую православную церковь урезонить протоиерея Андрея Ткачева. Lenta. URL: <https://lenta.ru/news/2025/07/10/nazvavshego-rossiyanok-dohlyimi-truslivymi-babami-protoierya-prizvali-urezoni/>

Проскурина Елена Александровна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 4692-2397

E-mail: plamenik48@gmail.com

Proskurina E. A.

**DISTRUST OF GOVERNMENT AND POLITICAL INSTITUTIONS:
IS IT AN ECHO OF POLITICAL CULTURE OR AN INDEPENDENT
PHENOMENON?**

Distrust of government and political institutions is becoming more common in the modern world. From the point of view of political culture, political distrust is a prerequisite for the functioning of a democratic system. The distrust of the population towards the authorities is a healthy phenomenon, thanks to which democratic institutions are being improved. At the same time, political distrust as an independent phenomenon is an expression of the fact that citizens consider the government to be unreliable: incompetent, unethical and acting contrary to the interests of society. The spread of political distrust not only to individuals, but also to the very system of government can lead to the discrediting of democratic institutions.

Key words: *democracy, governance, government, population, distrust, political culture*

Proskurina Elena Aleksandrovna, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

SPIN-код: 4692-2397

E-mail: plamenik48@gmail.com

Статья поступила в редакцию 30.01.2026 г.

УДК 331.105.44

Червяк Ю. П., Симоненко Л. Ю., Хомутовская Я. Н.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ ПРОФСОЮЗОВ В УСЛОВИЯХ ПОСТМОДЕРНИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Статья посвящена комплексному исследованию перспективных направлений изучения меняющейся политической роли профсоюзов в контексте динамичных процессов постмодернизации и глобализации. Особое внимание акцентируется на анализе проблемных аспектов, связанных с расширением политического влияния профсоюзных организаций в современных условиях. Дается оценка ключевых политико-институциональных черт профессиональных объединений, выявляя их специфику и возможные траектории развития.

Ключевые слова: профсоюзы, политическая система, политические институты, общественные объединения, постмодернизация, глобализация.

Актуальность. В условиях стремительных трансформаций современного мира, характеризующихся процессами постмодернизации и глобализации, традиционные институты, включая профсоюзы, сталкиваются с беспрецедентными вызовами и необходимостью переосмысления своей роли. Политическая функция профсоюзов, исторически являвшаяся краеугольным камнем их деятельности, претерпевает значительные изменения, требующие глубокого анализа и стратегического переосмысления [6].

Постмодернизация как культурно-философский сдвиг характеризуется децентрализацией власти, фрагментацией

идентичностей, ростом индивидуализма и скептицизмом по отношению к «большим нарративам», включая классовую борьбу.

В наши дни политическая наука активно исследует новые методологические инструменты и территории изучения, нацеленные на полный охват динамично трансформирующейся глобальной политики. Важнейшим вектором этого процесса является углубление понимания концепции политической системы, которая под влиянием постмодернизационных тенденций в обществе обретает обновленный смысл. Для постижения новой природы политической системы результативным способом является изучение роли и значимости нетипичных политических образований и процессов, находящихся на стыке формальной политики и ее общественной среды. К числу таких объектов исследования, открывающих новые горизонты в понимании политических процессов и дополняющих традиционные государственно-властные парадигмы, привнося в них отражение неформальных взаимосвязей в социуме и политике, относятся общественные объединения и инициативы, лоббистские группы, периферийные социальные страты, этнические сообщества и профессиональные союзы.

Актуальность углубленного изучения политической роли профсоюзов продиктована тем, что проблема их взаимодействия с политической сферой остается недостаточно освещенной в научных кругах. Хотя и существуют отдельные работы, описывающие участие профсоюзов в политике в разные периоды и в разных странах, они не дают полного представления о характере их взаимосвязей с ключевыми компонентами политической системы. Особое внимание следует уделить анализу функционирования политической системы и профсоюзов в условиях социальных изменений, а также определению их будущего положения в глобальной политической системе.

Традиционные модели анализа, ориентированные на индустриальные общества, не в полной мере отражают трансформации, происходящие с профсоюзным движением в эпоху постфордизма, цифровизации и фрагментации трудовых отношений. Исчезновение четких границ между трудом и досугом, фрагментация трудовых отношений, повсеместное распространение цифровых технологий и платформ, а также повышение миграционных потоков – все это создает уникальный контекст, в котором традиционные модели профсоюзной деятельности оказываются не всегда эффективными.

Целью статьи является определение ключевых приоритетов развития современной политической науки в изучении политической роли профсоюзов в условиях постмодернизации и глобализации общества.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере деятельности профсоюз в условиях постмодернизации и глобализации общества.

Предметом исследования являются профсоюзы в политической системе современного общества в условиях постмодернизации и глобализации.

Степень научной разработанности. Комплексное исследование политической роли профсоюзов впервые было сформулировано в трудах М. Вебера [1] и Р. Михельса [9]. Эти исследователи анализировали специфические аспекты политического влияния профсоюзов в контексте формирования массового общества.

Теоретические, методологические и практические аспекты функционирования профсоюзов как социальных и политических институтов были глубоко исследованы зарубежными авторами, среди которых Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и Д. Хоманс. В то же время такие ученые, как А.К. Акимов, Н.Н. Гриценко, Б.Н. Жарков, В.И.

Смолярчук и многие другие активно изучали тенденции в развитии профсоюзов и их политическую активность. Значительный вклад в разработку данной проблематики внесли также российские ученые М. Б. Глотов и М. В. Шмаков.

Исследование зарубежных и отечественных ученых позволяют комплексно проанализировать теоретические основы, методологические подходы и практические аспекты функционирования профсоюзов как социальных и политических институтов. Их деятельность остается актуальной в условиях постмодернизации и глобализации общества, а также современного социально-политического развития, требующего постоянного анализа и совершенствования профсоюзных механизмов для обеспечения социальной справедливости и демократического участия трудящихся в управлении обществом.

Таким образом, изучение роли профессиональных объединений в политической сфере предоставляет исследователям важные инструменты для понимания основных направлений эволюции как национальных систем, так и глобального порядка. Особую значимость это приобретает при осмыслении формирования мирового гражданского общества, которое потенциально способно выступить в качестве противовеса закрытым, элитарным структурам наднационального управления, используемым транснациональными корпорациями для манипулирования распределением мировых ресурсов в условиях постмодернизации и глобализации.

Результаты исследования. В современной политической науке гражданское общество понимается как сложное подвижное социокультурное пространство. Оно представляет собой систему негосударственных общественных структур и связей, в которых возникают и воплощаются личные и групповые гражданские свободы, а также обеспечиваются физические и интеллектуальные нужды индивидов в пределах закона. Ключевыми особенностями

гражданского общества выступают его независимость от власти и наличие горизонтальных связей, строящихся на соперничестве и сотрудничестве между свободными и равными участниками [11].

Актуальное переосмысление политической значимости профсоюзов обусловлено тем, что в рамках существующей отечественной политологической науки уже реализовано комплексное и детальное изучение природы профсоюзов как явления общественной и политической жизни современного государства. Кроме того, были глубоко проанализированы их функции в формировании новой модели взаимодействия между обществом и политической системой. Однако в настоящее время формируются новые вызовы, которые трансформируют традиционные представления. Поэтому глобализация, цифровизация, изменения в структуре занятости и появление новых форм трудовых отношений требуют переосмысления роли профсоюзов. В связи с чем современные профсоюзы сталкиваются с необходимостью адаптации к меняющимся условиям, поиском новых форм и методов работы, чтобы сохранить свою актуальность и эффективность.

Профсоюзы играют ключевую роль в развитии гражданского общества, находящегося на этапе формирования в современной России [3]. Утверждение правового, демократического и социального государства немыслимо без существования как сильного гражданского общества, так и активных профсоюзных организаций. Подавляющее число россиян, входящих в состав профсоюзных организаций, на сегодняшний день являются членами Федерации независимых профсоюзов России [5]. Эта федерация активно применяет разнообразные законные способы оказания политического воздействия в рамках своей работы. Федерация независимых профсоюзов России, являясь крупнейшим объединением профсоюзов страны, располагает многогранными

ресурсами влияния на политический процесс [4]. Эти ресурсы, эволюционируя в условиях трансформации российского общества, позволяют профсоюзам выступать значимым актором, участвующим в формировании и корректировке государственной политики.

Одним из ключевых ресурсов Федерации независимых профсоюзов является ее организационная структура и численность. Обладая разветвленной сетью первичных организаций на предприятиях различных отраслей, профсоюз охватывает миллионы трудящихся. Это обеспечивает ей широкое представительство интересов и возможность мобилизации значительных социальных групп для выражения своей позиции по актуальным вопросам. Массовость членства становится инструментом легитимации требований и оказания давления на лиц, принимающих решения.

В контексте повышенной политической активности профсоюзов особую значимость приобретает анализ их роли, учитывая специфику политического развития страны. Эта специфика часто проявляется в возрастающем влиянии манипулятивных медийных стратегий на политическую коммуникацию, снижении способности партий объединять различные социальные интересы, отдалении властных структур от общества и общем упадке гражданской активности. Данная тенденция подчеркивает необходимость более глубокого анализа роли профсоюзов как агентов политического участия, особенно в условиях, когда традиционные институты представительства демонстрируют признаки стагнации [2].

Профсоюзы являются одной из самых значимых форм социальной и экономической организации в обществе. Они обладают богатой историей взаимодействия с политическими движениями, государственными структурами и общественными объединениями, которые составляют основу политической системы. Сильной стороной профсоюзов является их способность к мобилизации и эффективная защита ключевых таких интересов

граждан, как социальные гарантии и условия труда. Благодаря этим качествам, профсоюзы могут вернуть политическую систему к ее истинным задачам, ориентируясь на нужды и поддержку общества. Они способны противостоять аномии и деструктивным тенденциям в политической коммуникации, вынуждая государство и политические силы решать реальные, а не выдуманные проблемы.

Таким образом, в сложившихся обстоятельствах профсоюзы способны стать мощным катализатором демократических преобразований [8]. Они могут мобилизовать граждан на отстаивание их фундаментальных прав и улучшение условий существования, тем самым утвердившись в роли ключевого участника формирования социальной политики государства. Для реализации такого сценария необходимо провести анализ текущего положения профсоюзов, как в России, так и на международной арене, выявить их имеющийся потенциал для трансформации и определить конечную цель этих изменений – достижение такого положения профсоюзов в политической жизни, которое адекватно отражало бы их реальное значение в обществе. В то же время в условиях глубоких трансформаций, охватывающих как экономику, так и социальную сферу, современные профсоюзы обретают новый политический статус, обусловленный комплексом взаимосвязанных факторов. Этот процесс трансформации происходит не только в рамках национальных государств, но и набирает обороты в контексте глобализации, затрагивая принципы формирования власти и представительства интересов.

Одним из ключевых факторов выступает изменение характера труда. Переход от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу, развитие гибких форм занятости, распространение платформенной экономики и удаленной работы ставят под сомнение традиционные модели членства и сплоченности профсоюзов. Однако именно в этих новых условиях профсоюзы

приобретают политическое значение, выступая в качестве единственной структуры, способной артикулировать и защищать интересы работников, чьи права зачастую становятся уязвимыми из-за отсутствия четкой привязки к традиционному работодателю. Их способность адаптироваться к этим вызовам, искать новые формы организации и представительства, напрямую влияет на их политические возможности.

Другим значимым аспектом является рост социального неравенства и экономическая нестабильность. В условиях, когда поляризация доходов увеличивается, а социальная защищенность сокращается, профсоюзы вновь становятся важным инструментом борьбы за справедливое распределение благ и установление достойных условий труда. Их политический статус возрастает, поскольку они претендуют на роль активного участника формирования экономической и социальной политики, требуя от государства и бизнеса большего внимания к проблемам занятости, заработной платы и социальных гарантий.

Также значительным ресурсом выступает правовая база и участие в механизмах социального партнерства. Федерация независимых профсоюзов является полноправным участником трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений на федеральном, региональном и отраслевом уровнях. Взаимодействие с органами государственной власти и объединениями работодателей позволяет Федерации участвовать в разработке и экспертизе законопроектов, касающихся трудовых прав, социальной защиты, пенсионного обеспечения, а также в заключении генеральных, региональных и отраслевых соглашений. Кроме того, Федерация независимых профсоюзов обладает информационными и коммуникационными ресурсами. Через собственные СМИ, интернет-ресурсы и участие в общественно-политических дискуссиях, Федерация формирует общественное

мнение, отстаивает свою точку зрения по социально-экономическим вопросам и привлекает внимание к проблемам трудящихся. Способность к публичной артикуляции своих позиций и вынесению на обсуждение острых вопросов является важным фактором влияния на политическую повестку дня.

Соответственно, процессы политической мобилизации и развития гражданского общества также способствуют укреплению политического статуса профсоюзов. Взаимодействие с другими общественными движениями, участие в коалициях и альянсах, использование современных коммуникационных технологий для привлечения сторонников и влияния на общественное мнение – все это формирует новую повестку дня. Профсоюзы, выступая не только как орган защиты экономических интересов, но и как субъект гражданского общества, активно участвуют в общественно-политической жизни, влияют на формирование законодательства и политических решений, тем самым упрочняя свой политический статус.

В современном мире, когда демократический строй стал доминирующей формой правления во многих странах, важно осознавать, какие организации и механизмы способствуют его росту и укреплению. Особое значение среди них приобретают профессиональные союзы, объединяющие трудящихся с целью отстаивания их законных прав и интересов. На первый взгляд, они могут восприниматься как чисто экономические или общественные группы, но на самом деле их значение для демократической политической системы простирается гораздо дальше.

Профсоюзы являются ярким примером институтов гражданского общества – добровольных объединений граждан, функционирующих вне рамок государственного и корпоративного контроля. Они представляют собой платформу для самоорганизации и коллективного действия, позволяя работникам четко

формулировать свои потребности и добиваться их удовлетворения. В демократическом обществе, где власть должна быть подотчетна народу, наличие сильных и активных институтов гражданского общества является залогом сбалансированной и представительной системы.

В контексте трансформационных обществ, к которым относится современное государство, особую значимость приобретает исследование возможностей профсоюзов в сфере политического влияния. В условиях, когда политические процессы еще не стабилизировались, а принятие ключевых решений зачастую лишено публичности и правовой регламентации, а также при неразвитом гражданском обществе, ограничивающем участие населения в управлении, профсоюзы могут стать важным инструментом для вовлечения граждан в политическую жизнь.

Расширение политического влияния профсоюзов, безусловно, является многогранным процессом, сопряженным с рядом проблем, которые могут тормозить или искажать его эффективность. Одной из ключевых сложностей является неизбежная конкуренция за политическое пространство с другими общественными группами и лоббистскими организациями. Профсоюзы, стремясь продвинуть свои интересы, вынуждены конкурировать за внимание и ресурсы законодателей и лиц, принимающих решения, с крупным бизнесом, отраслевыми ассоциациями, экологическими группами и многими другими. Эта конкуренция часто неравна, поскольку финансовые и организационные ресурсы противоборствующих сторон могут значительно отличаться, что ставит профсоюзы в невыгодное положение.

Другой существенной проблемой является потенциальная поляризация политического ландшафта. Когда профсоюзы активно вмешиваются в политику, их действия могут восприниматься как партийные, что приводит к усилению политических разногласий.

Это может затруднить формирование консенсуса и сотрудничество между различными политическими силами, а также вызвать ответную реакцию со стороны противников, которые могут использовать эту ситуацию для дискредитации профсоюзного движения в целом. Вместо того чтобы выступать в качестве нейтрального посредника или защитника интересов трудящихся, профсоюзы могут оказаться втянутыми в ожесточенные партийные баталии. Кроме того, существует риск бюрократизации и потери связи с рядовыми членами. По мере того, как профсоюзы увеличивают свое политическое влияние, структуры, отвечающие за эту деятельность, могут становиться более сложными и отдаленными от повседневных реалий работников. Это может привести к тому, что политические приоритеты профсоюзов перестанут полностью соответствовать потребностям и чаяниям самих членов, создавая разрыв между руководством и низовым уровнем. Такой разрыв может подорвать легитимность политических действий профсоюзов и снизить их общую оперативную эффективность.

Значительной проблемой является необходимость поддерживать баланс между отстаиванием интересов своих членов и обеспечением стабильности и устойчивости экономической системы в целом. Чрезмерно агрессивные политические требования, которые могут негативно сказаться на конкурентоспособности предприятий или привести к росту инфляции, могут вызвать негативную реакцию со стороны общества и правительства, ограничивая в конечном итоге возможности самих профсоюзов. Таким образом, профсоюзам необходимо проявлять стратегическую дальновидность, учитывая более широкие экономические и социальные последствия своих политических инициатив.

Соответственно, профсоюзы, обладая уникальной способностью мобилизовать значительные группы населения и

представлять их интересы, играют неоценимую роль в функционировании демократической политической системы. Они выступают не просто как представители работников, но и как важнейшие акторы, способствующие балансу сил, общественному консенсусу и развитию гражданского общества. Их политический статус определяется не только численностью членов, но и глубиной проникновения в производственные и общественные отношения.

Под воздействием постмодернизации и глобализации, когда традиционные формы социального представительства трансформируются, профсоюзы вынуждены искать новые пути для сохранения своей значимости. Это включает в себя как адаптацию к гибким формам занятости и развитию цифровых инструментов для коммуникации и мобилизации, так и расширение своей повестки дня, включив в нее вопросы социальной справедливости, экологической устойчивости и защиты прав человека в целом. В тоже время способность профсоюзов выступать в качестве противовеса власти капитала, лоббировать интересы трудящихся на законодательном уровне и участвовать в коллективных переговорах с работодателями является фундаментальным условием для поддержания социальной стабильности и предотвращения чрезмерного социального напряжения. Однако, для того чтобы сохранять и укреплять свою роль в демократической системе, профсоюзы должны быть открыты к изменениям, демонстрировать гибкость в подходах и способность к конструктивному диалогу с различными политическими и социальными акторами. Тем не менее, профсоюзы остаются неотъемлемым элементом демократической политической системы. Их способность мобилизовать людей, отстаивать права и интересы, контролировать власть и способствовать социальной справедливости делает их незаменимыми в построении и поддержании здорового и представительного общества.

Вместе с тем профсоюзы рассматриваются как неотъемлемая часть демократической политической системы, поскольку объединения наемных работников обладают уникальными характеристиками, делающими их значимыми гражданскими образованиями. Массовое членство наделяет профсоюзы существенным потенциалом для активного политического участия. Кроме того, они обладают постоянными интересами, имеющими общественную значимость, что служит фундаментом для получения широкой электоральной поддержки. Их заинтересованность во влиянии на государственную политику вытекает из специфики регулирования трудовых и социальных отношений, где профсоюзы играют ключевую роль.

Стоит отметить, что политическая значимость профсоюзов проявляется через уровень их самостоятельности и влияния. Эта самостоятельность выражается в активизации их участия в политической жизни, что включает в себя рост политической активности и вовлеченность в текущие политические события. Важным аспектом является усиление их способности влиять на формирование политических решений и направление развития политического процесса. Ключевую роль играет независимость профсоюзов в выработке своих стратегий и тактических шагов, а также свобода в выборе союзников для политического взаимодействия. Кроме того, профсоюзы должны обладать возможностью самостоятельно определять свою идеологическую направленность, а также реализовывать программные принципы для участия в политике. Такая политическая субъектность профсоюзов является определяющим фактором для укрепления их позиций в диалоге с государственными структурами и другими политическими акторами.

Для того чтобы глубже осмыслить взаимосвязь между особенностями формирования системы представительства

профессиональных групп, политическим строем и динамикой отношений между обществом и государством, необходимо проанализировать, как государственное доминирование, соответствующее определенному типу режима, формирует структуру такого представительства. Это влияние направлено на выявление ключевого элемента в представлении интересов профессиональных сообществ. Профсоюзы как наиболее крупная общественная организация могут выступать в роли основного звена, связывающего общество, являющегося источником политических требований и поддержки, с политической системой. Однако их способность оказывать влияние на политику, как составляющую механизма представительства профсоюзных интересов, вновь определяется фундаментальными условиями существующего политического режима.

Политико-институциональная природа профсоюзов обусловлена их возможностью интегрировать характеристики ключевых политических институтов. Эта способность наиболее ярко проявляется во время пиковой активности политического процесса, такой как политические кризисы или затяжные гражданские конфликты. Профсоюзы эволюционируют, стремясь заменить основные функциональные элементы существующей политической системы, когда те утрачивают способность к эффективному управлению обществом. Следовательно, выполнение профсоюзами политических функций ограничивается нестабильными периодами в политической системе и носит временный характер. Исключение составляют случаи трансформации профсоюзов в полноценные политические партии.

Политическое участие профсоюзов – это многогранный процесс, который выходит за рамки простого представительства интересов трудящихся в сфере труда. Оно охватывает активное вовлечение членов профсоюзов в механизм формирования и

реализации государственной политики, становясь тем самым неотъемлемой частью демократического процесса. Индивидуальное и групповое участие членов, выступающих как представители социально-политической общности, проявляется в различных формах: от голосования на выборах и поддержки политических партий до участия в митингах, демонстрациях и общенациональных дискуссиях по ключевым вопросам. В контексте профсоюзной деятельности политическая активность предстает как добровольный процесс. Члены профсоюзов и сами организации через эту активность вовлекаются в процесс избрания политических деятелей и руководящих структур. Таким образом, напрямую или опосредованно, они влияют на определение курса государства.

Профсоюзы как организаторы и катализаторы этого участия играют двойную роль: с одной стороны, они являются мощным инструментом мобилизации своих членов, а с другой – площадкой для формирования коллективного политического сознания. Они выступают в качестве посредника между работниками и властью, артикулируя требования, влияя на законодательные инициативы и добиваясь включения социально-ориентированных аспектов в политическую повестку дня. Это участие направлено не только на улучшение условий труда и социальной защиты, но и на формирование более справедливого и устойчивого общества в целом.

На уровне международного сообщества политическое участие профсоюзов приобретает особое значение в контексте глобализации. Транснациональные корпорации и международные экономические институты зачастую определяют условия труда и социальные стандарты по всему миру, что требует скоординированных действий профсоюзов на международной арене. Создание международных конфедераций, участие в глобальных форумах и кампаниях, направленных на защиту прав трудящихся в условиях глобализации,

– все это формы политического участия, призванные сбалансировать интересы капитала и труда в мировом масштабе.

Глобализация, характеризующаяся взаимосвязанностью экономик, культур и политических систем, создает как новые возможности, так и серьезные вызовы для политической роли профсоюзов. Глобализация, с одной стороны, стирает национальные барьеры, позволяя капиталу свободно перемещаться по миру, а с другой – создает предпосылки для международной солидарности трудящихся. Профсоюзы сталкиваются с необходимостью координации своих действий на наднациональном уровне, борьбы с транснациональными корпорациями, которые могут использовать различия в трудовом законодательстве для снижения издержек. Это требует выработки общих позиций, обмена информацией и создания наднациональных профсоюзных структур, способных противостоять глобальным вызовам. Поэтому глобализация с ее транснациональными корпорациями, международными цепочками поставок и миграцией рабочей силы, ставит перед профсоюзами новые вызовы и открывает новые возможности [12].

Таким образом, политическое участие профсоюзов является динамичным и развивающимся явлением, которое отражает не только стремление трудящихся к защите своих прав, но и их активное участие в построении демократического общества. Оно является важным механизмом, обеспечивающим представительство интересов широких слоев населения в процессе принятия решений, влияющих на их повседневную жизнь и будущее страны. Ключевыми предпосылками для обретения современными профсоюзами политического значения выступают характеристики развития политической сферы, в частности, ослабление традиционных структур в их функциональной значимости и неспособность политических партий, государственных органов, общественных движений и групп по отстаиванию своих интересов в полной мере справляться с вызовами трансформационного

общества. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость выработки действенных механизмов, способствующих преобразованию общественных интересов в конкретные политические решения.

Также стоит учитывать, что политико-институциональная сущность профсоюзов зависит от комплекса факторов, определяющих их место и роль в политической системе общества. В результате постмодернизации и глобализации, эти факторы претерпевают существенные изменения, требуя от профсоюзного движения гибкости и адаптивности [8]. Прежде всего, политико-институциональная сущность профсоюзов напрямую связана с природой политического режима и уровнем демократизации общества. Там, где существуют развитые институты гражданского общества, свобода слова и собраний, профсоюзы имеют больше возможностей для осуществления своего влияния, участвуя в процессе принятия решений, лоббируя интересы своих членов и выступая в качестве партнера или оппонента власти. В авторитарных или гибридных режимах их роль зачастую ограничивается, а их деятельность может подвергаться давлению и контролю со стороны государства.

Важную роль играет степень экономической и социальной дифференциации общества. В условиях растущего неравенства, нестабильности рынка труда и уязвимости определенных групп работников, профсоюзы приобретают дополнительную легитимность как защитники социальных прав и гарантий [7]. Их способность артикулировать общие коллективные интересы и мобилизовать широкие массы становится мощным политическим ресурсом. Наконец, внутренняя структура и стратегия самого профсоюзного движения определяют его политико-институциональную сущность. Уровень консолидации, способность к формированию коалиций с другими общественными акторами, наличие развитых механизмов внутренней демократии, а также

способность к инновациям и адаптации к новым формам занятости – все это формирует институциональный потенциал профсоюзов и определяет их реальную возможность влиять на политический процесс.

Расширение участия профсоюзов в политической жизни обусловлено трансформацией самой политической сферы. Ключевым фактором этой трансформации является постмодернизация политики, которая пересматривает традиционные модели взаимодействия общества и политических институтов. Это приводит к тому, что профсоюзы выходят за рамки своих прежних, узко социально-экономических и правовых ролей, беря на себя новые политические функции [13]. Постмодернизация также влияет на идеологию профсоюзов, делая их более гибкими в выборе политических партнеров, диверсифицируя их цели и расширяя арсенал политических действий.

Актуальные характеристики трансформационного политического режима в России обуславливают потребность в более детальном исследовании, поскольку они оказывают влияние на траекторию развития социально-профессиональной структуры российского общества. К числу таких характеристик относятся проявление тенденций к директивному регулированию со стороны государства (исполнительной власти и государственного аппарата) в отношении субъектов, представляющих профессиональные интересы, а также инкорпорация социально-профессиональных организаций в неформальные процессы политического целеполагания. Директивное регулирование, выражающееся в навязывании извне целей и методов деятельности, значительно ограничивает автономию профессиональных сообществ. Это может приводить к снижению качества профессиональной деятельности, потере мотивации у специалистов и, как следствие, к деформации всей социально-профессиональной структуры.

Выводы. Подытоживая вышеизложенное можно сделать вывод о том, что профсоюзы, несмотря на все исторические изменения и актуальные трудности, продолжают играть роль одного из ключевых компонентов гражданского общества. Расширение политического влияния профсоюзов является сложным и многогранным процессом, так как разнообразные функции профсоюзов охватывают не только базовое отстаивание социально-трудовых прав и интересов работников, но и активное вовлечение в создание общественного дискурса и построение прочного социального сотрудничества.

Следовательно, под воздействием современного политического пространства, характеризующегося возрастающим влиянием средств массовой информации на общественное сознание, а также усугубляющимся социальным расслоением и фрагментацией правящих кругов, что приводит к массовой апатии, деятельность профсоюзов приобретает особое значение. Она выступает в качестве фундаментального инструмента для преодоления вышеизложенных проблем и содействия устойчивому прогрессу политических систем в условиях постмодернизации и глобализации общества. Важно, чтобы профсоюзы оставались сильными, независимыми и демократическими организациями, способными вести конструктивный диалог и находить решения, отвечающие интересам как работников, так и общества в целом.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер; пер. с нем. – М.: Наука, 1990. – 808 с.
2. Баргоякова И. И. Профсоюзы в условиях глобализации / И. И. Баргоякова, Л. Г. Сахарова, А. Б. Вадим // Профсоюзный университет. – 2008. – № 12. – С. 2-65.
3. Башмаков В.И., Санатулов Ш.З. Профсоюзы современной России: социологический аспект: монография. – М.: АТиСО, 2007. – 368 с.

4. Бизюков П. Профсоюзное пространство современной России / под ред. В. Борисова, С. Кларка. – М.: ИСИТО. – 2001. – 331 с.
5. Гладков Н. Г. Правовое положение профессиональных союзов в России: теоретические проблемы и практика реализации. – М.: Проспект, 2019. – 192 с.
6. Давидюк П.Г. Профсоюзное движение: история, теория и практика / П.Г. Давидюк. – Минск: МИТСО, 1999. – 268 с.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; пер. с франц. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
8. Лютов Н. Л. Глобализация и трудовые права: новые вызовы для профсоюзов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 5. – С. 45-56.
9. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии / Р. Михельс; пер. с нем. // Диалог. – 1990. – № 5. – С. 110-114; 1991. – № 4. – С. 108-111.
10. Мазур О.Г. Политическое участие в контексте классических научных подходов и современных концептов / Мазур О. // ВЛАСТЬ. – 2025. - № 02 (т.33). – С. 39-47.
11. Песчанский В. Становление гражданского общества в России: роль профсоюзов / В. Песчанский //Мировая экономика и международные отношения. – 1996. – № 11. – 78-90 с.
12. Русакова О.Ф. Парадигма гражданского общества в эпоху глобализации // Государство и общество: философия, экономика, культура: Докл. и выступл. на Междунар. научной конф. 14-15.04.2005. – М.: ЛЕНАНД, 2005. – С. 316-319.
13. Фролов С.С. Социология организаций: Учебник / С.С. Фролов. – М.: Гардарики, 2001. – 304 с.

Червяк Юлия Петровна, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 1400-4058, AuthorID:945573

E-mail: julia080880@yandex.ru

Симоненко Людмила Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 7737-0770, AuthorID: 1294478

E-mail: simon.alex-2005@mail.ru

Хомутовская Яна Николаевна, канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 7934-0789, AuthorID: 946134

E-mail: answerbox.gy@yandex.ru

Cherviak Yu. P., Simonenko L. Yu., Khomutovskaya Ya. N.

A STUDY OF THE POLITICAL ROLE OF TRADE UNIONS IN THE CONTEXT OF POSTMODERNIZATION AND GLOBALIZATION OF SOCIETY

The article is devoted to a comprehensive study of promising areas for studying the changing political role of trade unions in the context of dynamic processes of post-modernization and globalization. Special attention is focused on analyzing the problematic aspects related to the expansion of the political influence of trade union organizations in modern conditions. The article provides an assessment of the key political and institutional features of trade unions, identifying their specific features and possible development trajectories.

Key words: trade unions, political system, political institutions, public associations, postmodernization, globalization.

Cherviak Julia Petrovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

SPIN-код: 1400-4058, AuthorID: 945573

E-mail: julia080880@yandex.ru

Simonenko Lyudmila Yurievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

SPIN-код: 7737-0770, AuthorID: 1294478

E-mail: simon.alex-2005@mail.ru

Khomutovskaya Yana Nikolaevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

SPIN-код: 7934-0789, AuthorID:946134

E-mail: answerbox.gy@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.01.2026 г.

УДК 32.019.51+303.73

Татаринов И. Е.

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ
В РЯДЕ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ¹**

В статье рассматривается концепт политики памяти как актуальное направление государственной политики в ряде стран постсоветского пространства. Анализируются ее генезис, цели, задачи и ключевые характеристики. Здесь, прежде всего, обращается внимание на антагонистический дискурс исторической политики некоторых стран по отношению к иным трактовкам и интерпретациям некогда общих событий и символов. Отмечаются целенаправленные попытки путём популяризации различных мифов и искажений трансформировать ценностно-мировоззренческие установки, а с ней и идентичность граждан в нужном русле. Делается вывод о системной институционализации политики памяти в ряде стран постсоветского пространства с целью формирования специфического, и во многом искусственного коммеморативного пространства, свободного от рефлексий прошлого.

Ключевые слова: политика памяти, коммеморация, историческое сознание, институционализация исторической политики, идентичность, культурная память.

Постановка проблемы. В ХХI веке, отмеченном серьёзными геополитическими противоречиями, открылось новое поле битвы – ментальное пространство. Здесь ключевым механизмом

¹ Исследование выполнено в Южном федеральном университете за счёт гранта Российского научного фонда №25-28-02675 «Российский исторический нарратив и политика памяти на Украине в 1990-2020-е гг.: проблемы интерпретации и концептуализации».

задействования историко-символического потенциала, на котором политические элиты выстраивают национальную идентичность, выступает политика памяти. В этой связи национальная идентичность актуализируется в качестве фундаментальной, структурообразующей основы всей политики памяти. Именно такая политика, проходящая, как правило, при участии акторов государственной политики, задаёт вектор отбора исторических событий, определяет героев, репрезентует травмы прошлого, а также служит главным ориентиром при конструировании коллективных представлений о собственном прошлом, настоящем и будущем.

Цель статьи состоит в комплексном анализе процесса институционализации политики памяти в ряде стран постсоветского пространства и реконструкции его формирования, развития и трансформации.

Объект исследования. Коммеморация как часть государственной политики.

Предмет исследования. Институционализация политики памяти, особенности её формирования, развития, трансформации и воздействия на коллективное сознание, а также связанные с этим цели и задачи.

Степень научной разработанности проблемы. Исследования концептов «политика памяти», «коллективная память», «места памяти» наиболее полно представлены в зарубежной историографии. Понятие «политика памяти» впервые появляется в научном обороте во Франции. Это понятие получает распространение после Второй мировой войны для обозначения тесной взаимосвязи политики и способов интерпретаций прошлого. Важно отметить, что некоторые аспекты исторической памяти стали рассматриваться учёными ещё во второй половине XIX века. Однако более детально и комплексно на это исследовательское поле обратили внимание уже в XX веке такие учёные, как А. Бергсон, М. Хальбвакс, К. Юнг, М. Блок, Ю.М. Лотман, П. Нора и др.

В частности, родоначальником теории коллективной памяти по праву называют французского автора М. Хальбвакса. Он ещё в 1920-х он предложил понимать память как социально обусловленную часть общественного сознания и коллективной идентичности [1, с. 8]. Хальбвакс делил память на внутреннюю (личный автобиографический опыт) и внешнюю (коллективную, приобретённую под влиянием социума). Последнюю (часто именуют как коллективную) также называют социальной или исторической. Она предполагает символическое осмысление прошлого и традиций, возникающее в ходе общественных интеркоммуникаций (взаимодействий). Символическая репрезентация необходима человеку для самоидентификации, выбора смыслов и определения своей позиции по отношению к другим социальным и национальным общностям.

Важным компонентом политики памяти является концепция «мест памяти» (*lieux de mémoire*) разработанная ещё во второй половине XX века Пьером Нора. Он комплексно охарактеризовал символы «мест памяти», которые определялись как «места в трёх смыслах слова – материальном, символическом и функциональном, но в очень разной степени... Всегда существуют три аспекта» [2, с. 76]. Согласно П. Нора, историческая память отличается от исторической науки и со временем исчезает, если ее не поддерживать. Осознания важности события для этого недостаточно – нужны специальные усилия по его актуализации, причём роль государственной политики в этом контексте видится определяющей. Нора оставил понимание того, что может считаться местом воплощения памяти. К таким местам он причислял как материальные объекты (музеи, памятники), так и символические (трактаты, годовщины). Главный тезис: память общества – это сконструированный феномен, возникающий благодаря оформлению

истории в предметах и ритуалах культурного наследия, это «материальное воплощение исторической памяти» [2, с. 75].

Отечественные авторы Д.С. Лихачев и Ю.М. Лотман определяли память как часть культуры, имеющей внегенетическое, то есть приобретённое, происхождение. По мнению академика Д. Лихачева: «Культура человечества – это активная память человечества, активно же введённая в современность» [3, с. 51]. Юрий Лотман в свою очередь также отмечал, что «с точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, то есть надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых» [4, с. 200].

Ряд экспертов отождествляют политику памяти с «исторической политикой» («Geschichtspolitik»), появившейся в Западной Германии в 1980-е годы. Собственно термин «историческая политика» позже, благодаря исследованиям А. Ассман, закрепился и в науке, а на рубеже XX–XXI веков он получил наибольшее распространение в Центральной и Восточной Европе. Особенно это применимо к Польше (пол. «polityka historyczna») и постсоветским странам Балтии. В Польше с начала 2000-х годов эта концепция легла в основу государственной политики, финансируемой и административно поддерживаемой на высоком уровне. Однако здесь важно заметить, что не следует буквально отождествлять «политику памяти» и «историческую политику». В рамках англосаксонской языковой традиции целостное видение общего проблемного поля исследований коллективной памяти исходит из того, что «историческая политика» (politics of history) и «политика памяти» (politics of memory) обладают в значительной степени совпадающим, но не абсолютно идентичным содержанием.

Сегодня изучение феномена «политики памяти» является одним из перспективных направлений «Memory Studies» в России и за рубежом. В частности, вопросы функционирования «политики памяти» в эпоху «мемориальных войн» поднимаются в работах отечественных авторов Д.А. Аникина и А.А. Линченко [5]. Другой исследователь – С.И. Белов определяет «политику памяти» как механизм конструирования будущего [6] и зарекомендовал себя как ведущий эксперт по вопросам исторической памяти о Великой Отечественной войне. Большой вклад в развитие «Memory Studies» в России вносит также проф. А.И. Миллер. Он анализирует различные публичные стратегии в отношении прошлого, исследует роль экспертных сообществ в формировании политики памяти, выделяет характерные тенденции развития политики памяти в России и ее региональные аспекты. Кроме того, А.И. Миллер является научным руководителем Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Результаты исследования. Содержание источников, а также их образно-символический ряд позволяют выявить символические связи как важнейшие аспекты социального взаимодействия. То есть общение и взаимодействие, осуществляемое при помощи символов, «мест памяти» выступают в качестве ключевой составляющей исторической памяти как объекта воздействия со стороны исторической политики. Известно, что данные идеи с распадом социалистической системы и СССР получили широкое распространение в странах Восточной Европы, особенно в Польше (пол. «polityka historyczna»). В дальнейшем приёмы и методы исторической политики стали широко использоваться в других восточноевропейских странах, а также на постсоветском пространстве, в том числе в Прибалтике и на Украине.

Институционализация политики памяти сегодня для указанных

стран выступает важнейшим инструментом государственного строительства. На постсоветском пространстве эти процессы являют собой сложный феномен, напрямую связанный с необходимостью формирования после распада СССР новых национальных идентичностей. В отличие от простого исторического нарратива, институционализированная политика памяти предполагает создание устойчивых государственных и негосударственных структур, закрепление определённых версий прошлого в законодательстве, образовательных стандартах и символической политике и т.п. В новых независимых государствах, провозгласивших ценности либерального порядка, возникла потребность не только в силовой составляющей государственности, но и в политической легитимации сформировавшихся режимов.

Отметим также и внешний, манипулятивный аспект подобных процессов. Подобный «ревизионизм и искажения истории позволяют обосновать и легитимировать свою самостоятельность, сформировать национальную идентичность и исторический нарратив, максимально отличные от российских. В геополитическом контексте цель манипуляторов состоит в зачистке ментального пространства постсоветских стран от малейших воспоминаний о совместном мирном, наполненном поступательным развитием сосуществовании и качественном рывке в своём социально-экономическом прогрессе» [7, с. 87]. В теоретическом плане это перекликается с концепцией «мягкой силы» Джозефа Ная, который определял ее как способность формировать симпатии и предпочтения других, используя нематериальные активы: культуру, политические ценности и институты, а также политику, которая рассматривается другими как легитимная и имеющая моральный авторитет [8].

Далеко не секрет, что в геополитических интересах определённых стран важно «окончательно оторвать нынешние

независимые государственные образования от общего исторического прошлого, от России, оказавшей положительное влияние на развитие народов Средней Азии» [8, с. 60], спровоцировать кризис доверия между странами постсоветского пространства и Российской Федерацией. В качестве конечной цели видится создание условий, «при которых будет полностью исключена возможность в будущем какой-либо формы интеграции и кооперации этих государств с Россией» [7, с. 87]. В том числе и ментально дискредитировать идею возможного союза или сближения с Россией. В перспективе, для манипуляторов важно превратить все страны постсоветского пространства в инструмент постоянного давления на Россию, в неиссякаемый источник дестабилизации внутривосточной обстановки и «делая все для разрыва исторических, гуманитарных, экономических связей этих государств с нашей родиной» [9, с. 59].

Комплексное осмысление институционализации памяти невозможно без анализа механизмов конструирования исторических нарративов. Среди ключевых инструментов можно выделить несколько наиболее характерных. Во-первых, отметим широко известную сегодня, благодаря политической науке, «политическую мифологию». Речь идёт о создании героических повествований о событиях прошлого, призванных консолидировать социум вокруг определённых сюжетов, символов, нарративов. Как отмечал Ролан Барт, «в функциональном отношении назначение мифа оказывается двояким: с одной стороны, он направлен на деформацию реальности, имеет целью создать такой образ действительности, который совпадал бы с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания; с другой – миф чрезвычайно озабочен сокрытием собственной идеологичности, поскольку всякая идеология хочет, чтобы ее воспринимали не как одну из возможных точек зрения на мир, а как единственно допустимое (ибо

единственно верное) его изображение, то есть как нечто «естественное», «само собой разумеющееся» [10, с. 18].

Во-вторых, трудно не заметить масштабную «виктимизацию (травматизацию) исторической памяти». Здесь, прежде всего, выделяется намеренное позиционирование своей страны в качестве государства-жертвы, призванное консолидировать нацию вокруг пережитого страдания и сформировать устойчивый образ внешнего врага (как правило, со стороны Российской империи / СССР / РФ). Умышленная травматизация коллективной памяти может превратиться в незаживающую рану на теле социума, препятствуя его развитию и стабильности. Согласно концепции социокультурной травмы П. Штомпки, в обобщённом виде культурная травма – это состояние шока и напряжения, которое переживает группа или общество в целом из-за радикальных изменений в системах значений и ценностей [11, с. 3-12].

Общим стержнем такой политики в указанных выше странах стал концепт «исторической травмы» посредством внешнего вмешательства, как правило, со стороны Российской империи / СССР / РФ. При этом роль последних в истории страны и народа отображается исключительно в негативном ключе. Собственно исторический нарратив активно интерпретируется и внедряется в контексте формирования новой национальной идентичности (на основе виктимизации сознания). Подобные дискурсы пришли на смену прежним советским представлениям о совместном прошлом (славянское братство, социалистическое единство, совместные победы в войнах и т.п.).

В-третьих, отметим концепт «Войн памяти» (memory wars), весьма детально раскрытых в работе А. Бордюгова [12]. Здесь следует отметить концептуализацию конфликтного потенциала исторических нарративов, которые все чаще становятся ареной политического противостояния как между государствами, так и

внутри них. Причём это относится и к странам постсоветского пространства.

В-четвертых, важно указать на консолидационный ресурс подобной политики. В частности, на Украине сегодня мы наблюдаем как политика памяти, или историческая политика стала ключевым элементом формирования украинской идентичности. В её основе лежит антироссийский, откровенно русофобский исторический нарратив («голодомор», «геноцид», «оккупация», уничтожение украинской государственности и т.д.). При этом относительно недавнее общее российско-украинское прошлое ныне интерпретируется как экзистенциальная причина социально-экономических и политических проблем современной Украины.

Важно отметить, что если в 1990-е гг. данный нарратив имел латентную форму, то с началом 2000-х гг. он стал составной частью официальной государственной политики и стал институционализироваться. Примером которому стало создание в июле 2005 года по образцу действующих аналогичных структур в странах Восточной Европы, Балтии, Грузии, Украинского института национальной памяти (УИНП). Он был создан с целью замещения политики памяти ложными сюжетами и смыслами, которые в конечном итоге привели бы к созданию условий, при которых станет невозможной интеграция и кооперация с Россией, а в ментальном пространстве закрепятся антагонистические убеждения и образы по отношению к СССР / России. Следствием такой политики стал обозначившийся политический, культурный и ментальный разрыв Украины с Россией и его усиление в 2020-х гг.

Наиболее наглядным проявлением институционализации политики памяти на постсоветском пространстве стало создание специализированных государственных учреждений, призванных аккумулировать, формулировать и популяризировать основные тезисы государственной исторической политики. В ряде стран

Восточной Европы в области «политики памяти» акцент делается на событиях XX века, в том числе коммунистическом периоде. Данное направление исследований является приоритетным в Украинском институте исторической памяти (УИИП). Выделим также Центр исследования геноцида и сопротивления Литвы (LGGRTC), 1993 г.; Музей национальной памяти Молдовы (Muzeul Memoriei Neamului) 2002 г.; Эстонский институт исторической памяти (Eesti Mälu Instituut) 2008 г. К этому отдельно добавим так называемые музеи оккупации. Среди них выделяются Музей советской оккупации 1921-1991 (2006 г., Грузия), Музей оккупации Латвии 1940-1991 (Рига, Латвия), Музей оккупации и борьбы за свободу (Okupāciju ir laisvės kovų muziejus, 1992 г., Литва), Музей советской оккупации (2002, Украина), Виртуальная экспозиция «Забвению не подлежит» (Украина), Национальный музей жертв оккупационных режимов «Тюрьма на Лонцкого» (2009 г., Львов, Украина), Музей оккупаций и свободы Vabamu (Эстония, 2003 г.). Весьма негативный эффект на исследуемую сферу оказывает также Ельцин-Центр (Екатеринбург, РФ).

Характерной особенностью этих институтов является их политическая ангажированность. Все указанные институции созданы не как независимые научные учреждения, а как проводники определённой, как правило – искажённой версии истории. Зачастую они напрямую подчинены государственным органам исполнительной власти и имеют государственное финансирование, которое напрямую увязывается с транслируемыми государством нарративами. Среди основных сюжетов подобной деятельности отметим: пересмотр и переписывание учебников истории; ревизию событий Великой Отечественной войны (замена концепта «Великая Отечественная война» на «Вторая мировая война»); введение в оборот понятия «советская оккупация»; демонтаж памятников советского периода («ленинопад» и аналогичные процессы) и т.п.

Не менее важно также остановиться на институционализации политики памяти через закрепление определённых исторических нарративов в законодательстве. Речь идёт о так наз. «законах о памяти» (*memory laws*). Как правило, они устанавливают юридически обязательную интерпретацию исторических событий, часто с запретом на «ревизионизм» и отрицание (например, законы об ответственности за отрицание Холокоста и т.п.). Они функционируют как инструменты «онтологической безопасности», способствуя государствам стабилизировать свою легитимность и геополитическую ориентацию через юридически закреплённую историю. Закрепляя устойчивые нарративы о себе и мире, внедряется чувство, что «реальность стабильна и предсказуема», а история здесь является ключевым источником этой стабильности. Указанные *memory laws* блокируют эту чужую память как «экзистенциально опасную дезинформацию». По сути, «Законы о памяти» выступают в качестве заместительной терапии для онтологически небезопасного сообщества. Государство, не имея возможности пережить травму или интегрировать сложное прошлое, юридически принуждает реальность соответствовать успокаивающему, но упрощённому мифу. Они обеспечивают формальную устойчивость, но ценой подавления рефлексии и, в конечном счёте, – консервации уязвимости.

Анализ функционирующих в настоящее время различных структур в странах постсоветского пространства, целенаправленно работающих с политикой памяти, позволяет выделить несколько типов реализуемой исторической политики. Примечательно, что основное разделение проходит между странами, выбравшими прозападный курс и конфронтацию с Российской Федерацией, и странами, сохранившими преемственность с советским прошлым или ориентированными на интеграционные процессы. Здесь выделяются 5 основных моделей сохранения исторической памяти.

Во-первых, речь идёт о балтийской модели. Она представляет собой характерный манипулятивный и антагонистичный по отношению к иной политике памяти пример институционализированной политики памяти. Сформированные в странах Прибалтики соответствующие институты начинают свою работу уже в начале 1990-х годов. Их работа отличается последовательностью и фокусируется вокруг: этноцентризма – концентрации на истории титульной нации при игнорировании или маргинализации вклада других этнических групп; обращении к преемственности с ранними государственными образованиями, сознательно игнорируя или демонизируя советский период. Здесь происходит искусственное удревнение собственной истории и поиск «золотого века» национальной государственности; введении и закреплении концепта «советской оккупации» как центрального элемента исторического нарратива; кардинального пересмотра событий Великой Отечественной войны с отказом от термина «Великая Отечественная война» в пользу «Второй мировой войны», искажением роли советских воинов-освободителей и героизацией местных коллаборационистов; создания специализированных институтов национальной памяти, аккумулирующих и популяризирующих основные тезисы государственной исторической политики. Именно эта модель трансляции исторической памяти стала образцом для ряда постсоветских государств, выбравших прозападный вектор развития.

Вторая модель представлена в таких странах, как Украина, Молдова, Грузия. Они практически полностью заимствовали ключевые сюжеты / блоки балтийской модели, адаптировав ее к своим реалиям. Сегодня Украина, Молдавия, Грузия переняли ключевые балтийские тезисы политики памяти, однако хронологически их имплементация имела свои особенности. Наиболее радикально процесс институционализации политики

памяти прошёл в Украине после событий 2014 года. Украина интенсифицировала нарративы о декоммунизации и деколонизации, оформив их законодательно. В Молдавии и Грузии процесс институционализации политики памяти протекал более противоречиво, что обуславливалось динамичной внутривнутриполитической обстановкой и наличием, ориентированной на сохранение связей с Россией значительной части населения.

В-третьих, выделим среднеазиатскую модель сохранения исторической памяти. В странах Центральной Азии исследуемые процессы имеют свою специфику. Для них также характерно применение сюжетов, как и в балтийской модели, однако со среднеазиатской спецификой. В частности, отметим следующие ключевые нарративы: искусственное удревнение собственной истории. Оно проявляется в популяризации в образовательном сегменте и научном дискурсе Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана утверждения о местном многотысячелетнем цивилизационном пути; гиперболизация и искажение роли местных культур в мировых достижениях и открытиях; формирование нарративов о так наз. колониальном» прошлом и замещение таковыми периода совместного пребывания в составе Российской империи / СССР с целью объяснения собственной экономической и культурной отсталости; героизация и сакрализация образа исключительного героического прошлого, применяя его лишь к определённом историческому периоду, в противовес иному временному отрезку.

В-четвертых, следует отметить южнокавказскую модель сохранения исторической памяти с ее множественностью режимов памяти, обусловленной спецификой сложившейся на Южном Кавказе общественно-политической и исторической ситуации. Здесь комеморативные процессы осложнены существованием непризнанных / частично признанных государств и конфликтных

зон (Абхазия, Южная Осетия, Карабах). В регионе параллельно сосуществуют различные режимы памяти с разной историко-символической базой, между которыми существует сложная динамика взаимодействия. Как правило, институциональная память здесь сталкивается с контр-памятью, создавая многомерное пространство исторической политики, где часто государственные границы не совпадают с мемориальными.

В-пятых, отметим российский вариант политики памяти. Здесь ключевой институцией выступает Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации, созданный для сохранения исторической правды и защиты духовно-нравственных ценностей. Он создан на основании Указа Президента РФ от 2 ноября 2023 года №817 «О создании автономной некоммерческой организации «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации». Центр решает широкий спектр задач, направленных на консолидацию общества и защиту исторического суверенитета, осуществляет издательскую, образовательную и экспертную деятельность, активно взаимодействует с зарубежными партнёрами, особенно на постсоветском пространстве, выступает эффективной исследовательской и коммуникативной площадкой [12]. Для отечественной модели характерной чертой является следование Российской Федерацией принципу исторической объективности, выверенным и верифицированным нарративам прошлого, их использование для формирования гражданской идентичности и государственной политики памяти. При этом российский подход не приемлет и антагонистичен по отношению к «мифологизации» политики памяти и «виктимизации» истории, характерных для ряда других постсоветских стран.

Заметим, что весьма важным сегодня направлением политики памяти является образовательная сфера. В странах с прозападной

ориентацией наблюдается системная зачистка образовательного пространства от альтернативных версий истории. Так, в учебники сознательно внедряются новые, зачастую основанные на мифах и искажённых исторических интерпретациях нарративы, формирующие у молодого поколения ложные представления о своей идентичности через подмену исторических фактов и символов. Особое внимание уделяется пересмотру событий Великой Отечественной войны, концепт которой заменяют на «Вторая Мировая война». Используя травматические события прошлого, и придавая им искажённую / негативную коннотацию, постсоветское общество ряда стран «дрейфует» в сторону переосмысления наиболее значимых ценностей и событий.

Выводы. Таким образом, анализ процесса институционализации политики памяти на постсоветском пространстве позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, можно констатировать, что на протяжении 1990–2010-х годов в ряде постсоветских государств (Балтия, Украина, Молдова, Грузия) сформировалась устойчивая модель государственной политики памяти, основанной на этноцентризме, мифологизации и виктимизации / травматизации собственной истории, во многом направленной на конфронтацию с Россией. Подобные практики сегодня институционально реализуются через создание специализированных учреждений, принятие соответствующих «законов о памяти» и реформирование образовательных стандартов.

Во-вторых, теоретическое осмысление этих процессов привело к появлению новых концептов в политике памяти, позволяющих более точно описывать глубину проникновения исторической политики в правовую и политическую системы. В-третьих, институционализация политики памяти превратилась на постсоветском пространстве в важный фактор международных отношений, став инструментом «мягкой силы» и одновременно

ареной геополитического противостояния. Нынешние перспективы дальнейших исследований связаны с необходимостью более детального анализа механизмов трансформации политики памяти в условиях цифровизации, а также изучения потенциала для выработки механизмов примирения различных коммеморативных режимов.

Список литературы

1. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. – № 2–3. – С. 8–27.
2. Дмитриева, О.О. «Место памяти / О.О. Дмитриева, М.М. Туманова, О.Н. Широков // lieux de mémoire» как механизм сохранения исторической памяти общества // Исторический поиск / Historical Search. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 73–81.
3. Лихачев, Д.С. Письма о добром и прекрасном : [для среднего и старшего школьного возраста] / Д.С. Лихачев. – Москва : Детская литература, 1985. – 206 с.
4. Лотман, Ю.М. Память в культурологическом освещении / Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн : Александра, 1992. Т. 1 : Статьи по семиотике и типологии культуры. – 1992. – 479 с.
5. Аникин, Д.А. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования / Д. А. Аникин, А. А. Линченко // Вестник Томского государственного университета – 2021. – № 466 (май). – С. 55-63.
6. Белов, С.И. Политика памяти: прошлое как инструмент управления будущим : монография / С.И. Белов. – Санкт-Петербург : МОО "ИС", 2021. – 280 с.
7. Татаринов, И.Е. Виктимизация исторической памяти в ряде стран постсоветского пространства: основные цели, задачи и меры противодействия / И.Е. Татаринов // Международная жизнь. – 2026. – № 1. – С. 84-89.
8. Nye J.S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. – 192 p.
9. Татаринов, И.Е. Некоторые аспекты интерпретаций в странах постсоветского пространства преступлений нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны / И.Е. Татаринов // Международная жизнь. – 2025. – № 1. – С. 58-63.

10.Барт Ролан. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

11.Штомпка Петр. Культурная травма в посткоммунистическом обществе. Статья вторая. Социологические исследования. – 2001. – № 2. – С. 3–12.

12.Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисл. А. Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с.

13.Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации / Электронный ресурс. Сайт: URL: <https://russiancip.ru/?ysclid=mgm98rx931267064046> (дата обращения 01.02.2026).

Татаринов Игорь Евгеньевич, к. ист. н., доц., доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 6080-2614

E-mail: Igortatarinov76@gmail.com

Tatarinov I. E.

INSTITUTIONALIZATION OF MEMORY POLITICS IN SEVERAL POST-SOVIET COUNTRIES: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

The article examines the concept of memory politics as a current direction of state policy in several post-Soviet countries. It analyzes its genesis, goals, objectives, and key characteristics. The paper primarily draws attention to the antagonistic discourse of historical politics in some countries toward alternative interpretations and readings of once-common events and symbols. It notes deliberate attempts, through the popularization of various myths and distortions, to transform value-worldview attitudes and, with them, the identity of citizens in a desired direction. The conclusion is drawn that there is a deliberate and systematic institutionalization of memory politics in several post-Soviet countries aimed at forming a specific and largely artificial commemorative space, free from reflections on the past.

Keywords: *memory politics, commemoration, historical consciousness, institutionalization of historical politics, identity, cultural memory.*

Tatarinov Igor Evgenyevich, Candidate of Historical Sciences, Assoc. Prof., Department of Public Administration Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

SPIN-код: 6080-2614

E-mail: Igortatarinov76@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12.02.2026 г.

УДК 004.056.53:32.15:354

Черкова М. Ю., Черков В. А.

ЦИФРОВАЯ ГИГИЕНА КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье рассматривается опыт Китайской Народной Республики (далее-КНР) в обеспечении цифровой гигиены как институционализированного режима цифрового управления и контроля. Показано, что в КНР цифровая гигиена реализуется через сочетание строгого законодательного поля, масштабных технологических решений и систему цифровых удостоверений личности (Digital ID), а также социально-образовательных программ, ориентированных на формирование цифровой грамотности населения. Анализируется как комбинация правовых, инфраструктурных и просветительских механизмов трансформирует цифровую гигиену из частной практики пользователя в элемент государственной политики, направленной на снижение киберугроз, стабилизацию информационной среды и укрепление цифрового суверенитета. В то же время подчёркиваются ограничения, связанные с потерей свободы слова, усилением цифрового контроля и расширением полномочий государства в отношении персональных данных, что делает китайский опыт предметом острых дискуссий в международном сообществе.

Ключевые слова: *цифровая гигиена, кибербезопасность, цифровая грамотность, цифровое государство, государственное управление, информационное пространство, цифровой суверенитет, Digital ID, искусственный интеллект (ИИ), политология цифрового управления.*

Актуальность темы обусловлена ускоренной цифровизацией государственных и общественных процессов, а также ростом киберугроз, требующих от государства не только технических, но и

политических и правовых ответов. В Китайской Народной Республике развитие цифровой гигиены продвигается в рамках стратегии «цифрового государства», где регулирование поведения пользователей, контролируемость цифровой среды и укрепление информационного суверенитета становятся центральными элементами государственной политики. В этих условиях изучение китайского опыта позволяет выявить характерные траектории цифрового управления, в том числе способы институционализации практик безопасности, цифровой идентификации и контроля контента, что представляет значимый теоретический и прикладной интерес для политологии и государственного управления.

В то же время международная дискуссия вокруг китайской модели цифровой гигиены акцентирует противоречие между целями безопасности и рисками ущемления гражданских свобод, что делает тему особенно релевантной для междисциплинарных исследований. В условиях глобального распространения цифровых платформ, ИИ-сервисов и «цифровых людей» опыт КНР, на наш взгляд, отчетливо показывает, как государство может трансформировать цифровую гигиену из индивидуальных мер в инструмент вертикального регулирования и социального контроля. Анализ этой модели помогает, по нашему мнению, прогнозировать возможные пути развития «цифрового государства» в других странах, оценивать институциональные риски и определять границы допустимого вмешательства государства в частную цифровую сферу, что повышает научную и практическую ценность рассматриваемой проблемы.

Целью статьи является анализ политологических и управленческих механизмов обеспечения цифровой гигиены в Китайской Народной Республике, а также выявление характерных особенностей трансформации цифровой безопасности из частной практики пользователей в институционализированную форму

цифрового управления. В рамках статьи ставим перед собой задачу показать, как сочетание правового регулирования, технологических решений и образовательных программ формирует уникальную модель цифрового государства, в которой цифровая гигиена становится инструментом контроля над информационной средой, снижения киберугроз и укрепления цифрового суверенитета, одновременно порождая острые дискуссии о балансе между безопасностью, государственным контролем и гражданскими свободами.

Объектом исследования выступает цифровой режим государственного управления в Китайской Народной Республике, охватывающий процессы регулирования, защиты и контроля цифрового пространства на уровне государства.

Предмет исследования – цифровая гигиена как инструмент цифрового управления: способы её институционализации через законодательные акты, технологические решения (включая цифровые удостоверения личности и системы контроля контента) и образовательные программы, а также политологические и управленческие последствия данной модели для кибербезопасности, цифрового суверенитета и гражданских свобод.

Степень научной разработанности рассматриваемой проблемы является достаточно высокой, однако, на наш взгляд, дифференцированной по отдельным аспектам. В зарубежной и отечественной литературе существенно проработана проблематика цифровой безопасности, киберсуверенитета и регулирования интернет-пространства в Китае, в том числе в рамках анализа Закона «О кибербезопасности КНР», «Великого файрвола», систем цифровой идентификации и общего курса на строительство «цифрового государства». Вместе с тем исследовательские работы по данной тематике преимущественно фокусируются либо на технико-правовом, либо на политико-стратегическом уровнях,

оставляя в тени политический и институциональный аспект цифровой гигиены, воспринимаемой как инструмент цифрового управления.

Таким образом, в научной литературе, по нашему мнению, недостаточно комплексно изучено пересечение концепции цифровой гигиены с практикой государственного контроля, а именно: как процедуры защиты пользователей и формирование цифровой грамотности закрепляются в рамках политики цифрового государства КНР. В этом разрезе, считаем, рассматриваемая в статье проблема является относительно мало исследованной, что позволяет нам позиционировать работу как попытку углубить политологический и управленческий анализ цифровой гигиены, дополняющий существующие исследовательские тренды по цифровому контролю и кибербезопасности в Китае.

Цифровая гигиена представляет собой совокупность практик, направленных на обеспечение безопасности, конфиденциальности и здоровья пользователей в онлайн-среде. В КНР эта концепция реализуется через комплексное сочетание законодательных норм, технологических решений и образовательных программ, ориентированных на предотвращение киберугроз и формирование цифровой грамотности граждан.

Китайская Народная Республика последовательно развивает нормативно-правовую базу, регулирующую безопасность цифрового пространства и поведение субъектов в нем. Центральным элементом этой системы является Закон «О кибербезопасности КНР» (中华人民共和国网络安全法), опубликованный 7 ноября 2016 года и вступивший в силу 1 июня 2017 года [2]. Данный закон представляет собой сводной акт, систематизирующий ключевые принципы государственной политики в сфере интернет-безопасности и регулирующий обязанности операторов сетевой инфраструктуры, сервис-провайдеров и пользователей по обеспечению сохранности

данных, защите критической информационной инфраструктуры, а также соблюдению требований к локализации и обработке персональной информации.

В 2025 году Закон о кибербезопасности был дополнен новыми поправками, направленными на усиление механизма мониторинга и оценки киберрисков, а также на расширение полномочий регуляторов по надзору в сфере безопасности, связанной с искусственным интеллектом и крупномасштабными платформами цифровых сервисов [1]. Эти изменения отражают стратегическую линию Китая на «подстраховку» цифровой среды через усиление ответственности владельцев инфраструктурных и контентных платформ, а также через более жесткое регулирование алгоритмических систем и больших данных, которые в силу своей функциональной нагруженности напрямую влияют на поведение пользователей и уровень цифровой гигиены. Как отмечают исследователи, в Китае кибербезопасность все шире рассматривается не только как техническая проблема, но и как политический и правовой проект, ориентированный на консолидацию контроля над информационным пространством и минимизацию трансграничных рисков [11, с. 100].

По нашему мнению, ключевым элементом обеспечения цифровой гигиены в китайской модели является построение централизованной системы цифровой идентификации граждан. С 15 июля 2025 года в КНР официально введена единая система цифровых удостоверений личности (Digital ID), которая реализуется через специальное мобильное приложение, формируемое Министерством общественной безопасности [4]. Цифровой ID содержит биометрические данные, фотографию, реальное имя, а также уникальный буквенно-цифровой код, что позволяет использовать его как универсальный ключ к государственным,

транспортным и коммерческим цифровым сервисам, включая вход в приложения, электронные платёжные системы и онлайн-госуслуги.

Такая система, хотя и объявлена добровольной, фактически продвигается в режиме «мягкого принуждения»: государство и крупные платформы активно стимулируют ее использование, делая альтернативные способы аутентификации менее удобными или функционально ограниченными. Важным аргументом в пользу Digital ID выступает то, что биометрические и персональные данные хранятся в централизованных государственных базах, а не в распределенных частных базах коммерческих компаний, что снижает риски несанкционированной продажи, утечек или монетизации данных частными провайдерами. В контексте концепции цифровой гигиены это может быть рассмотрено как попытка «нормализации» идентификации, когда государство берет на себя функцию хранения и управления ключевыми элементами цифровой личности, одновременно усиливая контроль над доступом и поведением пользователей в сети.

Таким образом, правовая база и государственные инициативы КНР в сфере цифровой гигиены строятся по двум взаимосвязанным направлениям: во-первых, через законодательно закрепленный режим строгого киберрегулирования (Закон о кибербезопасности и соответствующие поправки к нему), а во-вторых – через инфраструктурно-технологическую реформу системы цифровой идентификации (Digital ID). В совокупности, как мы можем видеть, эти меры направлены на усиление юридической ответственности операторов цифровых сервисов, повышение прозрачности и предсказуемости поведения пользователей, а также на сокращение рисков, связанных с утечкой и несанкционированным использованием персональных данных, что является ключевым аспектом обеспечения цифровой гигиены в современной государственной политике.

В свою очередь, китайская система контроля контента в интернет-пространстве представляет собой один из наиболее развитых и многоуровневых примеров государственного цифрового регулирования в современном мире. В основе этого режима лежит «Великий Китайский файрвол» (Great Firewall) – комплексная архитектура фильтрации и блокировки, сочетающая технические средства (сканирование IP-адресов, ключевых слов, анализ трафика по технологии Deep Packet Inspection) с административно-правовым регулированием. Цель данной системы – не только ограничение доступа к внешним ресурсам, признанным политически или морально нежелательными, но и непрерывный мониторинг и фильтрация контента, формирующего «чистую» цифровую среду, свободную от порнографии, пропаганды азартных игр, насилия, а также материалов, угрожающих национальной безопасности и социальному порядку.

С ростом проникновения мессенджеров и платформ с зашифрованным обменом сообщениями китайские власти перешли от внешней фильтрации к более тонкой внутренней модерации. В 2025 году были введены новые правила, фактически расширяющие прежний режим цензуры и блокировки на сферу частных сообщений. В частности, в поправки к регулированию онлайн-контента заложено требование запрещать распространение «непристойных» материалов даже внутри личной переписки, что подразумевает необходимость инструментов контент-анализа и ключевых слов, встроенных непосредственно в платформы-мессенджеры и социальные сервисы по требованиям государственных органов [5]. Одновременно власти усилили наказания за подобные правонарушения. Теперь за распространение порнографического контента виновному лицу грозит задержание на срок до 15 суток и штраф до \$700. В судах уже рассматриваются дела о пересылке «непристойных» видео в личных чатах и

бездействию администраторов онлайн-групп [9]. Такой сдвиг указывает на переход от «границы» в виде фильтрации на уровне интернет-провайдеров к более дифференцированному режиму «внутреннего наблюдения», когда ответственность за модерацию возлагается на операторов сервисов, а государство координирует их действия через технические и административные механизмы.

Отдельной, но, по нашему мнению, тесно связанной с этим трендом линией регулирования стало формирование специальных правил для так называемых «цифровых людей» (digital humans) – виртуальных ИИ-персонажей, создающихся с помощью технологий генеративного искусственного интеллекта и предназначенных для имитации человеческого общения, поведения и внешнего образа. В 2025-2026 годах Администрация киберпространства Китая опубликовала проекты норм, которые обязывают маркировать все контенты, созданные с участием цифровых людей, с явной индикацией их искусственного происхождения (например, через метки «цифровой человек» в тексте или интерфейсе). Такой подход рассматривается как один из механизмов обеспечения прозрачности алгоритмических и медиа-систем и как попытка предотвратить манипулятивное использование ИИ-персонажей для обхода систем верификации личности и формирования «иллюзии человеческого присутствия» [3].

Проекты правил также вводят запрет на создание «цифровых людей» на основе персональных данных других лиц без их согласия, а также на использование виртуальных образов для обхода систем проверки личности, что интерпретируется как защитное дополнение к ранее внедренной системе цифровых ID. Параллельно цифровым персонажам и ИИ-сервисам запрещается генерировать контент, угрожающий национальной безопасности, государственной власти, территориальной целостности и общественному порядку, а также материалы, способные причинить вред психическому здоровью или

спровоцировать зависимость у пользователей, особенно среди несовершеннолетних. Ряд исследователей отмечают, что подобные меры легитимизируют регуляторный контроль над ИИ-контентом, формируя «морально-безопасный» сценарий цифровой гигиены, в котором государство выступает в роли архитектора и гаранта цифровой среды, а пользователи и разработчики ограничены в возможности свободного использования ИИ-персонажей и алгоритмического контента [8].

Как видим, технологические меры и система контроля контента в КНР представляют собой не только инструмент цензуры, но и комплексный механизм «гигиенического» регулирования цифрового пространства. Через сочетание фильтрации трафика, блокировки ресурсов, прослеживаемости ИИ-контента и специализированных правил для цифровых людей правительство стремится к максимальной детерминации и предсказуемости онлайн-среды, одновременно усиливая ответственность платформ и разработчиков за качество и безопасность контента. Подобная модель может быть интерпретирована как технологически опосредованная форма государственной гигиены, в которой цифровая гигиена понимается как управляемое состояние информационной среды, минимизирующее «вредные» и «непристойные» практики пользователей и алгоритмических систем.

Формирование устойчивой цифровой гигиены в Китайской Народной Республике не представляется возможным без целенаправленного развития цифровой грамотности населения, которая рассматривается как базовая компетенция, встраиваемая в образовательные и просветительские программы на всех уровнях. Как отмечают специалисты, именно цифровая грамотность становится «социальным корсетом» цифровой гигиены, трансформируя поведение пользователей из стихийного и импульсивного в управляемое и осознанное [10, с. 176]. В этой

парадигме государство выступает не только регулятором, но и провайдером нормативно-образовательных стандартов, определяющих, что считается «безопасным» и «правильным» поведением в онлайн-среде.

Одним из ключевых механизмов продвижения цифровой грамотности является интеграция вопросов кибербезопасности и цифровой гигиены в школьную и университетскую программы. Министерство образования КНР на протяжении 2020-х годов последовательно расширяет и обновляет стандарты национальной учебной программы, включая в неё курсы по цифровым технологиям, информационной безопасности и основам работы с искусственным интеллектом. В ряде регионов (в том числе и в Пекине) уже с начальных классов вводятся обязательные модули по ИИ-грамотности [12], в рамках которых учащимся не только объясняются базовые принципы алгоритмических систем, но и демонстрируются техники безопасного поведения в интернете, включая работу с паролями, защитой персональных данных и распознаванием дезинформации. Подобные инициативы ориентированы на формирование «цифрового мышления», которое предполагает умение критически оценивать информацию, осознавать риски цифровой идентичности и придерживаться гигиенических практик при взаимодействии с онлайн-сервисами.

В образовательных учреждениях КНР системно проводятся специализированные лекции, семинары и мастер-классы, направленные на повышение осведомленности учащихся и студентов о правилах поведения в онлайн-пространстве. В ходе этих мероприятий преподаватели и эксперты по кибербезопасности подчеркивают ключевые элементы цифровой гигиены: использование сложных, уникальных паролей для разных сервисов; регулярные обновления программного обеспечения и операционных систем; двухфакторную аутентификацию; ограничение публичного

доступа к личным данным; а также отказ от размещения персональной информации в непроверенных платформах и мессенджерах. Такие практики не рассматриваются как отдельные технические рекомендации, а встраиваются в более широкий образовательный контекст, где цифровая гигиена фигурирует как часть общей культуры цифровой гражданственности и социальной ответственности.

Особую роль в закреплении цифровой гигиены играют широкомасштабные просветительские кампании, в том числе национальная «Неделя кибербезопасности» и близкие по замыслу инициативы, приуроченные к Международному дню безопасного интернета и аналогичным образовательным форматам [7]. В рамках этих мероприятий в Китае на общенациональном уровне проводятся тематические форумы, выставки, конкурсы и онлайн-модули, адресованные не только школьникам и студентам, но и родителям, учителям и представителям бизнеса. В содержание кампаний включаются конкретные рекомендации по настройке конфиденциальности в социальных сетях, использованию безопасных поисковых и мессенджер-сервисов, а также по защите детей от цифрового насилия и манипуляции. По нашему мнению, следует отметить, что подобные кампании выполняют функцию «повторяющегося обучения», помогая закрепить устойчивые привычки поведения пользователей и формируя нормативный образ «грамотного в цифровизации гражданина», которому присуща дисциплина гигиенических практик в цифровой среде.

Итак, в Китае формирование цифровой гигиены реализуется через систему, в которой цифровая грамотность выступает ведущим инструментом социального регулирования онлайн-пространства. Государство, через образовательные стандарты, специализированные курсы и массовые просветительские кампании, не только информирует пользователей о технических мерах

безопасности, но и формирует нормативную модель поведения, в которой цифровая гигиена становится частью повседневной жизни и образовательной практики. В этом смысле, считаем, китайская модель демонстрирует, как цифровая гигиена трансформируется из набора индивидуальных мер в институционализированную компетенцию, воспроизводимую через образовательную систему и регулярные информационные кампании.

В свете рассмотренных институциональных, технологических и образовательных механизмов регулирования цифрового пространства, по нашему мнению, можно сделать вывод о том, что опыт Китая в обеспечении цифровой гигиены представляет собой один из наиболее проработанных и систематизированных примеров национальной модели цифровой безопасности, который привлекает внимание стран, стремящихся к усилению контроля над киберугрозами и выстраиванию устойчивой информационной экосистемы. В отличие от ситуационных и фрагментарных подходов, используемых рядом государств, китайская модель выстраивается на принципе «трехкомпонентного регулирования», включающего жесткое законодательное поле, масштабное технологическое инфраструктурное обеспечение (в том числе «Великий файрвол», системы цифровой идентификации и фильтрации контента) и просветительскую образовательную политику, ориентированную на формирование цифровой грамотности населения. В совокупности эти элементы создают условия, при которых цифровая гигиена перестает быть лишь личной практикой пользователя и трансформируется в институционализированный режим функционирования интернет-пространства, регламентируемый государством.

Тем не менее, такой подход сопровождается значительными ограничениями в части свободы слова, права на доступ к информации и неприкосновенности частной жизни, что становится

предметом острой критики в международном правозащитном и академическом сообществе. Исследователи Amnesty International и Human Rights Watch отмечают, что законодательство о кибербезопасности фактически превращает интернет-компании и платформы в «агентов государства», обязывая их осуществлять цензуру, хранить данные внутри страны и оперативно предоставлять персональную информацию по запросам органов власти [6]. В этих условиях цифровая гигиена, понимаемая как защита пользователя от утечек и манипуляций, одновременно становится инструментом расширения цифрового суверенитета и территориально-информационного контроля, в рамках которого государство получает расширенные полномочия по мониторингу и ограничению высказываний, расцениваемых как угрозы стабильности и национальной безопасности. Международные эксперты подчеркивают, что такая модель создает дисбаланс между целями безопасности и ценностями демократического управления цифровым пространством, что порождает глубокие дискуссии о соотношении цифровой гигиены, государственного контроля и гражданских свобод.

На наш взгляд, с точки зрения системного анализа, обеспечение цифровой гигиены в КНР демонстрирует принципиальную возможность реализации комплексного подхода, объединяющего правовое регулирование, технологические инновации и социально-образовательные программы. На уровне государственной политики это формирует устойчивый механизм снижения киберугроз за счет комбинации строгих стандартов для операторов интернет-услуг, алгоритмического контроля контента и повышения цифровой грамотности граждан, что в долгосрочной перспективе способствует выработке у пользователей ответственного поведения в цифровой среде. В итоге китайская модель обеспечивает стабильность и защищенность национальной информационной инфраструктуры,

формируя режим, в котором цифровая гигиена становится одновременно и технологическим, и политическим проектом, опирающимся на вертикаль управления и интеграцию всех уровней общества в единую систему цифрового контроля и безопасности.

Список литературы

1. В Китае утверждена поправка к Закону о кибербезопасности // Russian.News.Cn. – URL: <https://russian.news.cn/20251028/d765b0cfa9104b6ca23eeab83f4926e6/c.html> (дата обращения: 15.04.2026).
2. Закон «О кибербезопасности Китайской Народной Республики» (中华人民共和国网络安全法), от 07.11.2016. – URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/cybersecurity-law-of-china-20161107> (дата обращения: 15.04.2026).
3. Китай введет обязательную маркировку «цифровых людей». В стране ужесточают правила для AI-персонажей. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/kitaj-vvedet-obyazatelnuyu-markirovku-tsifrovyykh-lyudej-82878.html> (дата обращения: 16.04.2026).
4. Китай вводит Digital IDcn. – URL: <https://vc.ru/travel/2115504-kitai-tsifrovyye-udostovereniya-lichnosti> (дата обращения: 15.04.2026).
5. Китай выпустил проект правил взаимодействия с антропоморфным ИИ. – URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/339933689> (дата обращения: 16.04.2026).
6. Международная Амнистия (Amnesty International), Новый закон о кибербезопасности Китая должен быть отменен, 8 ноября 2016. – URL: <https://www.refworld.org/ru/coi/countrynews/amnesty/2016/143578> (дата обращения: 16.04.2026).
7. Неделя кибербезопасности 2023 года в Китае акцентирует внимание на защите облачных вычислений и автомобильных данных. – URL: <https://russian.people.com.cn/n3/2023/0912/c31518-20070596.html> (дата обращения: 16.04.2026).
8. Неренц Д.В. Юридические и этические проблемы регулирования применения искусственного интеллекта в современных массмедиа // Вестник РГТУ. – 2024. – № 11. – С. 122-137. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-i-eticheskie-problemy-regulirovaniya-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennyh-massmedia> (дата обращения: 16.04.2026).

9. Проект «Правила регулирования деятельности сервисов антропоморфного взаимодействия с технологиями ИИ» (拟规定:有关人工智能服务中“人形交互”的管理规则), опубликованный в декабре 2025 года Управлением по вопросам киберпространства Китая (CAC) для общественного обсуждения. – URL: https://www.cac.gov.cn/2025-12/27/c_1768571208101359.htm (дата обращения: 16.04.2026).

10. Цай Х. Цифровизация образования в Китае и ее международное значение / Х. Цай // Наука и школа. – 2025. – № 1. Часть 1. – С. 174-186.

11. Янькова А.Д. Архитектура концепции киберсуверенитета КНР (по материалам докладов Всемирной интернет-конференции «Киберсуверенитет: теория и практика») // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 99-112.

12. Черков В.А., Черкова М.Ю. Риски и ограничения искусственного интеллекта в образовании: почему не стоит переоценивать его возможности // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности. Сборник трудов (к 80-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне). Кострома, 2025. С. 352-357.

Черкова Марина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 8756-2616,

E-mail: marina.cher.80@mail.ru

Черков Владимир Александрович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник, доцент кафедры государственного управления Луганского государственного университета им. В. Даля, г. Луганск.

SPIN-код: 6523-8469,

E-mail: vladimir_cherkov@mail.ru

Cherkova M. Yu., Cherkov V. A.

**DIGITAL HYGIENE AS AN INSTRUMENT OF DIGITAL
GOVERNANCE: POLICY AND PRACTICE OF ENSURING DIGITAL
SECURITY IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA**

The article is dedicated to the experience of the People's Republic of China in ensuring digital hygiene as an institutionalized regime of digital governance and control. It shows that in the PRC digital hygiene is implemented through a combination of a strict legal framework, large-scale technological solutions and a system of digital identity documents (Digital ID), as well as socio-educational programs oriented toward fostering digital literacy among the population. The article analyses how a combination of legal, infrastructural and educational mechanisms transforms digital hygiene from an individual user practice into an element of state policy aimed at reducing cyber threats, stabilizing the information environment, and strengthening digital sovereignty. At the same time, the limitations associated with the loss of freedom of speech, the intensification of digital control, and the expansion of state powers over personal data are highlighted, which makes the Chinese experience a subject of intense debate in the international community.

Key words: digital hygiene, cybersecurity, digital literacy, digital state, e-government, digital governance, information space, digital sovereignty, Digital ID, artificial intelligence (AI), People's Republic of China, cyber regulation, politics of the digital state.

Cherkova Marina Yuryevna, PhD in Law, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

SPIN-код: 8756-2616,

E-mail: marina.cher.80@mail.ru

Cherkov Vladimir Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Lugansk State University named after V. Dahl, Lugansk.

SPIN-код: 6523-8469,

E-mail: vladimir_cherkov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2026 г.

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

Сборник научных трудов

№ 1(5) 2026

Ответственный за выпуск

О. Г.Мазур

Технический редактор

А. Е. Гриниченко

Подписано к печати 18.05.2026
Формат 60 х 84 /16. Бумага офс. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Услов. печ. л. 8,72.
Тираж 100 экз. Изд. № 01587. Цена договорная.

**Издательство
Луганского государственного университета
имени Владимира Даля**

Адрес издательства: 291034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20а
e-mail: izdat.lguv.dal@gmail.com